

Александр Фёдорович Ильин-Женевский

профессиональный революционер, большевик, литератор, журналист и организатор [шахматной](#) жизни в России и СССР

Род деятельности:	писатель , дипломат и шахматист
Дата рождения:	16 ноября 1894(28 ноября 1894)
Место рождения:	Санкт-Петербург , Российская империя
Страна:	Россия
Дата смерти:	3 сентября 1941 (46 лет)
Место смерти:	Новая Ладога , СССР

Алекса́ндр Фёдорович Ильи́н-Жене́вский (настоящая фамилия Ильин, вторая часть фамилии взята по месту политической эмиграции) родился 16 (28) ноября [1894](#) года в [Петербурге](#) в [дворянской](#) семье адмирала Фёдора Ильина^[1]. По другим данным, родился в семье Антонины Васильевны Ильиной, дочери [генерал-майора](#) артиллерии В. М. Ильина и [протодиакона](#) Сергиевского всей артиллерии собора Фёдора Александровича Петрова^[2]. Мастер спорта СССР с 1925 года, теоретик, литератор, журналист и выдающийся организатор [шахматной](#) жизни в России и СССР^[3]. **Коммунистический**

деятель, участник подпольного **большевицкого** движения, один из организаторов **октябрьского переворота**, участник **штурма Зимнего дворца**.

В юные годы увлекся шахматной игрой и участвовал в петербургских соревнованиях. Находясь в политической эмиграции в **Швейцарии** (как член партии большевиков) с 1912 года, выиграл первенство **Женевы** в 1914 году. В том же году вернулся в Россию и участвовал в **Первой мировой войне**, был отравлен **газами**, **контужен**. С 1916 года проходил службу офицером в огнеметно-химическом батальоне, расквартированном в **Петрограде**. Принимал участие в **русских революциях 1917 года**^[4].

В 1920 году, будучи комиссаром Центрального управления Всеобуча, организовал в Москве Всероссийскую шахматную олимпиаду, которая стала первым чемпионатом Советской России. Сам участвовал в ней, заняв 9-10 места. В 1921 на дипломатической работе – **консул в Либаве, Латвия**. Участвовал в семи чемпионатах СССР, дважды был чемпионом Ленинграда (1926 и 1929 годах), победил в первенстве ВЦСПС (1927 год) и разделил 1-2-е место в чемпионате Закавказья (1932 год). В Первом московском международном турнире 1925 года занял 9-10-е места и нанёс сенсационное поражение чемпиону мира Капабланке.

Автор ряда книг. Среди них написанные в форме «Дневника участника» яркие зарисовки участников Московского международного турнира 1925 года – **Ласкера** и **Капабланки** (Москва, 1926 год). Автобиографические «Записки советского мастера» (Ленинград, 1929) и книга «Матч **Алехин** – Капабланка» (Ленинград, 1927).

Как журналист проявил себя, будучи главным редактором журналов «Шахматный листок» (Ленинград, 1925–1930 года) и «**Шахматы в СССР**» (Москва, 1936–1937 года).

При эвакуации из Ленинграда погиб 3 сентября **1941** года в Новой Ладогe во время налёта немецкой авиации. Похоронен в Новой Ладогe на братском мемориальном кладбище.

Его брат **Ф. Ф. Раскольников** также был известным революционером, партийным и государственным деятелем.

С 1988 в городе **Новая Ладога** ежегодно проходит Мемориал А.Ф. Ильина-Женевского^[5].

Литература

- *А. Ф. Ильин-Женевский*, От Февраля к захвату власти. // Прибой (Ленинградский истпарт). Ленинград. 1927 г. 189 стр.
- *А. Ф. Ильин-Женевский*, Июль 1917 года. М.–Л., Гос. изд., 1927. 45 с. 10 000 экз.

- *А.Ф. Ильин-Женевский*, Большевики у власти. Воспоминания о 1918 годе. // Прибой (Ленинградский истпарт). Ленинград. 1929 г. 196 стр.
- *A. F. Ilyin-Zhenevsky* The Bolsheviks in Power // 1929. New Park.
- *Морозов С. А.* А. Ф. Ильин-Женевский – революционер, историк, шахматист, литератор // История Петербурга. 2005. № 5 (27). С. 7–11.
- *С.А. Морозов* А. Ф. Ильин-Женевский – общественный деятель , историк, шахматист. // Санкт-Петербург; Новая Ладога 2006

Ссылки

1. ↑ [Призрачные тени шахматной истории](#). Татьяна Морозова
2. ↑ Сергей Морозов. [Его не сделали врагом народа. Рволюционер, историк, шахматист](#)
3. ↑ [Ильин-Женевский Александр Фёдорович](#)
4. ↑ *А.Ф. Ильин-Женевский*, От Февраля к захвату власти. // Прибой (Ленинградский истпарт). Ленинград. 1927 г. 189 стр.
5. ↑ [Глезеров, С. В Новой Ладоге помнят об Ильине-Женевском](#). **Вести** (14 декабря 2006). Проверено 8 июня 2010.

Best World Rank: **#23** (on the [August 1927 rating list](#))

Highest Rating: **2577** on the [July 1927 rating list](#), #25 in world, [age 32y8m](#)

Best Individual Performance: **2686** in [Moscow, 1925](#), scoring 8.5/15 (57%) vs 2652-rated opposition

Moscow, 1919	not rated on January 1919 list	-	-1 (0/1, 0%)	no games vs rated opposition	N/A
URS-ch01 Moscow, 1920	not rated on October 1920 list	[2564]	-1 (2/5, 40%)	= (0.5/1, 50%) vs 2654-rated opposition	N/A
Petrograd, 1921	not rated on January 1921 list	-	-2 (0/2, 0%)	no games vs rated opposition	N/A
URS, 1922	not rated on January 1922 list	-	+1 (1/1, 100%)	no games vs rated opposition	N/A
URS-ch02 Petrograd, 1923	not rated on July 1923 list	-	-1 (0/1, 0%)	no games vs rated opposition	N/A
URS-ch03 Moscow, 1924	not rated on January 1924 list	[2469]	-3 (3.5/10, 35%)	-2 (0/2, 0%) vs 2631-rated opposition	N/A
URS-ch04 Leningrad, 1925	not rated on August 1925 list	[2464]	-1 (1/3, 33%)	-1 (0/1, 0%) vs 2579-rated opposition	N/A
Moscow, 1925	not rated on November 1925 list	2686	+1 (10.5/20, 53%)	+2 (8.5/15, 57%) vs 2652-rated opposition	N/A
Leningrad NW Provincial f, 1926	2549 (#32 on January 1926 list)	-	= (0.5/1, 50%)	no games vs rated opposition	N/A
Leningrad tt, 1926	2549 (#32 on January 1926 list)	-	= (0.5/1, 50%)	no games vs rated opposition	N/A
Leningrad-ch, 1926	2549 (#32 on January 1926 list)	-	= (0.5/1, 50%)	no games vs rated opposition	N/A
URS-ch05 Moscow, 1927	2576 (#24 on September 1927 list)	[2527]	-1 (4.5/10, 45%)	= (1.5/3, 50%) vs 2562-rated opposition	-0.1
Leningrad, 1929	2523 (#61 on January 1929 list)	[2580]	+2 (2/2, 100%)	+1 (1/1, 100%) vs 2595-rated opposition	+0.6
Ilyin-Zhenevsky-Ragozin Match (Leningrad), 1929	2523 (#61 on January 1929 list)	-	-3 (0/3, 0%)	no games vs rated opposition	N/A
URS-ch06 qf1 Odessa, 1929	2523 (#61 on January 1929 list)	-	+1 (1/1, 100%)	no games vs rated opposition	N/A
Leningrad-ch, 1930	not rated on January 1930 list	-	-1 (1.5/4, 38%)	no games vs rated opposition	N/A
URS-ch07 Moscow, 1931	not rated on October 1931 list	-	= (8.5/17, 50%)	no games vs rated opposition	N/A
Leningrad-ch, 1932	not rated on January 1932 list	-	+1 (6/11, 55%)	no games vs rated opposition	N/A
URS-ch09 Leningrad, 1934	not rated on January 1934 list	-	-5 (7/19, 37%)	no games vs rated opposition	N/A
Leningrad, 1936	2450 (#139 on January 1936 list)	2540	+2 (8/14, 57%)	-1 (3.5/8, 44%) vs 2581-rated opposition	+0.7
Leningrad, 1937	2505 (#87 on January 1937 list)	2484	-2 (1.5/5, 30%)	-2 (1.5/5, 30%) vs 2582-rated opposition	-0.5
Tbilisi (URS Championship), 1937	2507 (#85 on April 1937 list)	2509	-4 (7.5/19, 39%)	-3 (6.5/16, 41%) vs 2554-rated opposition	-0.6
Leningrad, 1938	2502 (#96 on January 1938 list)	2526	-6 (5/16, 31%)	-1 (3/7, 43%) vs 2571-rated opposition	+0.1

Ильин-Женевский Александр Федорович (1894–1941) мастер по шахматам, первый организатор шахматного движения в СССР. Активный участник Октябрьского переворота. Он вывел на «Штурм Зимнего» химический батальон. В 1920 году, будучи назначен комиссаром Центрального управления Всевобуча (Всеобщего военного обучения), переехал из Петрограда в Москву, где организовал первый шахматный отдел в советском журнале. Журнал назывался «К новой армии».

Александр Ильин-Женевский

По его инициативе осенью 1920 года состоялся первый чемпионат Советской России «Олимпиада». В заслугу Ильина-Женевского следует указать, что он разыскивал по градам и весям разбросанных по стране

известных дореволюционных шахматистов и помог им добраться в столицу. Делалось это методами того времени. Сам Ильин-Женевский иронически пишет, что была «произведена мобилизация шахматистов».

«Придавая чрезвычайно важное значение развитию шахматного искусства в России, как элемента допризывной подготовки трудящейся молодежи. Главное управление Всевобуч организует с 1 по 25 октября (1920 г.) в г. Москве **Всероссийскую шахматную олимпиаду как показательный праздник утонченного праздника мысли.** Для успеха Олимпиады необходимо участие в ней, всех сильнейших русских шахматистов, поэтому Главное управление Всевобуч просит Вас командировать *(здесь указывались фамилия шахматиста и занимаемая им должность)* в его распоряжение на время с 1 по 25 октября с.г.

Комиссар А. Ильин (Женевский)».

Публикаторы этого документа, например И. Романов, обращают внимание на возвышенный стиль письма: шахматная игра, как **«показательный праздник утонченного праздника мысли»**. В моих глазах и в глазах миллионов любителей эти слова не устарели.

Ильин-Женевский принял участие в «Олимпиаде» и разделил 9-10 места (16 участников), где ему удалось сделать ничью с Александром Алехиным. Алехин привел концовку партии в своей книге о шахматной жизни в большевистской России. Этудную пешечный эндшпиль, где будущий чемпион мира спасся единственными ходами. Довольный своим трудом Алехин подарил тетрадку своих анализов этого эндшпиля знатоку пешечных окончаний мастеру Н.Д. Григорьеву. После окончания «Олимпиады» была написана поэма, воздавшая по заслугам всем участникам турнира, начиная с «гроссмейстера» Алехина. Как главный организатор этого соревнования Ильин-Женевский был чествован следующими строками:

« А это кто боец прекрасный?
Розовощекий, молодой,
Улыбкой девственницы ясной
И взор, как небо голубой.
Его игра оригинальна
Ему чужда избитость тем,
Его идеи и реальны,
И романтичны вместе с тем.
Хотя он пешкой королевской
Всецело занят в этот миг,
Не ошибись, Ильин-Женевский,
Серьезный видный большевик.

Его как главного героя
Хвалой и лавровым венцом
По пиндарическому строю
Почтим пред самым мы концом».

Участвуя в I Московском международном турнире в 1925 году, он разделил 9-10 призовые места с гроссмейстером Э. Грюнфельдом. В этом же соревновании Ильин-Женевский одерживает сенсационную победу над чемпионом мира Капабланкой, а также победы над гроссмейстерами Шпильманом и Маршаллом. К сожалению, занятый по службе он не мог полностью отдать себя шахматам, хотя неоднократно играл в финалах первенства СССР, был чемпионом Ленинграда. И имел неплохой счет с будущим чемпионом мира: +2, -4, =7. Принадлежа по воспитанию к «черноземной школе», Ильин все партии начинал только ходом «e2-e4». Ильин-Женевский автор нескольких книг, не потерявших исторического интереса: «Международный шахматный турнир в Москве. (Дневник участника)», М., 1926; «Матч Алехин-Капабланка», М., 1927; «Записки советского мастера», Л., 1929 и многих других. От организационных дел его быстро оттеснил Н.В. Крыленко. Но именно Ильину-Женевскому принадлежит честь устроить первый международный матч между чемпионом СССР Ботвинником и гроссмейстером С. Флором. Ильин-Женевский внес вклад и в теорию дебютов: в голландской защите известна система Ильина-Женевского. Имеются его исследования и в испанской партии. Жизнь трагически оборвалась во время эвакуации из осажденного Ленинграда, когда он погиб на Ладоге под немецкой бомбежкой. Похоронен в Новой Ладоге.

О еврейском происхождении Александра Федоровича известно следующее. Он, как и его родной брат, Федор Федорович Раскольников, были незаконными детьми еврея-выкреста протодиакона Сергеевского «всего петербургской артиллерии» собора Федора Александровича Петрова и дочери генерала Антонины Васильевны Ильиной. Семья Ильиных происходит из рода князей Галицких и многие из их предков в XV-XVI веках служили при дворе в качестве постельничих, стольников, чашников. Позже семья была тесно связана с флотом. Прапрадед – лейтенант Дмитрий Сергеевич отличился в Чесменском бою. Дослужился до чина капитана 1-го ранга. В русском флоте в память подвига Ильина в 1886 году было спущено на балтийском флоте минный крейсер «Лейтенант Ильин». Прадед – Михаил Васильевич подполковник морской артиллерии, написавший ряд специальных трудов. Его дед по матери генерал-майор В.М. Ильин артиллерийский генерал и преподаватель Михайловского артиллерийского училища. К месту сказать, что

все перечисленные члены флотской фамилии попали в энциклопедии: Российский Биографический словарь, Военную энциклопедию и т.д. Белогвардейские издания издевались над сухопутным гардемаринном Федором Федоровичем Раскольниковым, председателем Центробалта. Они не знали, что морская служба у Ильиных была наследственная.

Ильин-Женевский профессиональный революционер и большевик с

дореволюционным стажем никогда не был ни догматиком, ни доносчиком. Ф. Богатырчук – чемпион СССР и вла-совец писал в эмиграции об Ильине-Женевском, как об одном из немногих известных ему коммунистов, «искренне веривших в величие своего пророка Ленина. С ним можно было спорить на скользкие темы и высказывать мысли, не боясь, что он донесет... У этого коммуниста было действительно человеческое лицо, но таких, как он – раз, два и обчелся». (Ф.Богатырчук «Мой жизненный путь к Власову и Пражскому манифесту», Сан-Франциско, 1978, с.79). Стоит добавить, что Александр Федорович был родным братом Федора Федоровича Раскольникова, написавшего открытое письмо Сталину о его преступлении. В свое время, летом 1917 года у Ильина-Женевского было столкновение со Сталиным. Ильин редактировал «Солдатскую правду», где была помещена статья Сталина. Учительская невысокий образовательный уровень солдат-читателей, Женевский несколько отредактировал сталинский текст. Сталин был в гневе: «Вы не имели права этого делать, Вы испортили мою статью»... Зная злопамятность Кобы, удивительно, что он не свел счёты с братом своего недруга.

В биографии А.Ф. Ильина-Женевского имеется такой факт. В чине прапорщика он был в действующей армии. Средняя продолжительность жизни «прапора» на фронте исчислялась несколькими днями. 30 мая 1915 года под Варшавой он был отравлен немецкими газами, а после выздоровления и возвращения на фронт был вторично тяжело контужен. У него отнялись ноги, частично руки. Он потерял чувствительность, память и слух. Лечение потребовало почти года. Среди провалов памяти, обнаружилось, что Ильин разучился играть в шахматы. Его обучение шло вновь с азав: с расстановки фигур. Лечил его профессор В.В. Срезневский, который в своих лекциях приводил этот феноменальный пример последствий травматического психоневроза. Во время участия в Олимпиаде 1920 года, на почве старой кон-

тузии, произошел нервный паралич правой ноги. По словам Ботвинника, у Женевского остались следы травмы: у него появилось нервное подергивание: он быстро-быстро и с размаху потирал себе руки, сплевывая через левое плечо (на незнакомых людей это иногда неприятно действовало). Михаил Моисеевич добавляет, что Ильин-Женевский обладал «ангельским характером» и был удивительно порядочным человеком. */М.М.Ботвинник «К достижению цели», М., 1978, с.42-43/*

В ужасной гибели Александра Федоровича от немецкой бомбы имеется еще одна трагедия. Его жена, довольно сильная шахматистка, Таисия Александровна Ильина-Женевская (Вязовская) покончила с собой через 4 дня после гибели мужа. Страшный гимн любви. Да будет благословенна их память!

**Сергей
МОРОЗОВ,**
кандидат
исторических
наук

ЕГО НЕ СДЕЛАЛИ ВРАГОМ НАРОДА

РЕВОЛЮЦИОНЕР, ИСТОРИК, ШАХМАТИСТ

Александр Федорович Ильин-Женевский родился 16(28) ноября 1894 года в Санкт-Петербурге, в семье протоиерея Сергея Сергиевского всей артиллерии собора Федора Александровича Петрова и Антонины Васильевны Ильиной, дочери генерал-майора артиллерии В.М. Ильина. В официальном браке родители не состояли, ибо Ф.А.Петров как вдовый священнослужитель не имел права венчаться вторично. Александр был младшим сыном; Федор, известный в истории России под псевдонимом Федора Раскольникова, оказал большое влияние на формирование мировоззрения младшего брата.

Александр с юношеского возраста включился в революционное движение, участвовал в работе нелегальных учебных кружков. В 1911-12 годах являлся одним из руководителей Межученической организации средних учебных заведений Санкт-Петербурга. Комитет этой организации выпускал прокламации, проводил обследование условий обучения гимназистов, их настроений. У организации была конспиративная библиотека, учащиеся издавали журналы.

9 декабря 1912 года в частной гимназии О.Витмер состоялось собрание представителей кружков Межученической организации. Полиция, узнав через агентов о нелегальном собрании, произвела арест всех 34 участников. Дело дошло до Государственной Думы, по факту ареста министр народного просвещения Л.А.Кассо в январе 1913 года выступал с объяснениями в Думе. Депутаты-кадеты критиковали министерство за применение в школе педагогических методов с полицейскими приемами, социал-демократы высказали недоверие министру. Но вместе с тем 11 февраля 1913 года решением министерства Александр Ильин и ряд гимназистов за участие в собрании были исключены из гимназий без права поступления в учебные заведения министерства народного просвещения.

Для продолжения образования он в 1913 году выезжает в Женеву, где становится студентом естественного факультета и факультета общественных наук Женевского университета. Проживая в Женеве, А.Ильин выбирает себе псевдоним «Женевский». Существуют две основные версии появления псевдонима: Александр Федорович стал Женевским в память о встрече с В.И.Лениным, которая

произошла в Женеве, или в честь победы на чемпионате Женевы по шахматам в 1914 году. К сожалению, воспоминаний Ильина-Женевского о причинах происхождения псевдонима обнаружить не удалось.

Летом 1914 года А.Ф.Ильин-Женевский приезжает в Россию на летние каникулы и в связи с началом первой мировой войны остается на родине. Добровольцем, на правах вольноопределяющегося, с 9 февраля 1915 года А.Ф.Ильин в рядах защитников отечества. Активно и старательно проходит обучение, 14 мая получает чин прапорщика и назначение на фронт. В двадцатых числах мая он уже был на фронте, 30 мая участвовал в боевых действиях по отражению атак немецких войск на Варшаву, был отравлен удушливыми газами. Пройдя краткосрочный курс лечения, получает назначение на южный фронт в 3-ю армию. За участие в боях А.Ф.Ильин был награжден орденом Анны 4-й степени с надписью «За храбрость».

9 июля 1915 года у местечка Пяски во время контратаки русских войск Ильин-Женевский был тяжело контужен. Солдаты, любившие своего молодого командира, спасли и вынесли его на ружьях с поля сражения. После прохождения курса лечения в июле 1916 года получает назначение в Запасной огнеметно-химический батальон, дислоцированный в Петрограде. В 1917 году солдаты батальона избирают его членом Петроградского Совета и районного Совета Петроградской стороны. В Октябрьские дни Военно-революционным комитетом назначается комиссаром своего батальона и резервной гвардии Гренадерского полка.

В ноябре 1918 года Ильин-Женевский стал первым начальником созданного Политического управления Петроградского военного округа. В это время Политическое управление проводило организацию различных общественно-политических и культурно-просветительных мероприятий, таких, как формирование партийных коллективов, открытие изб-читален, клубов, театров и кинотеатров, гимнастических залов. Широко была развернута работа по ликвидации неграмотности среди красноармейцев. В войсках округа распространялись книги, газеты и листовки.

В 20-е и 30-е годы А.Ф.Ильин-Женевский на дипломатической и партийной работе. Во второй половине 20-х

А.Ф.Ильин-Женевский — младший офицер Запасного огнеметно-химического батальона. 1917 г., Петроград

годов он публикует труды по истории освободительного и революционного движения. Мемуары А.Ф.Ильина-Женевского являются ценным источником для изучения истории нашей страны, из них наиболее интересны работы, связанные с событиями 1917 года, так как автор сам был непосредственным участником событий.

В 1930-31 годах А.Ф.Ильин-Женевский работает в качестве советника полпреда СССР во Франции, в 1932 году возвращается на работу в Ленинградский институт истории ВКП(б) в качестве заместителя директора.

В 1932 году в жизни Александра Федоровича произошло важное событие — он сошелся браком с Таисией Александровной Вязовской. Таисия Александровна была очень одаренным человеком, отлично играла в шахматы, пела, рисовала, в 30-е годы танцевала в балете Ленинградского мюзик-холла. По воспоминаниям современников, это была по-настоящему большая и искренняя любовь.

С августа 1933 года Ильин-Женевский возвращается на дипломатическую работу, теперь он советник полпреда СССР в Чехословакии. Добивался допуска историков к архивным материалам, посвященным русско-чешским отношениям, организовал пересъемку рукописей для Центрального музея художественной литературы, критики и публицистики. Много сделал для установления контактов между шахматистами двух стран, способствовал организации в 1933 году матча между чемпионом Чехословакии С.Флором и молодым чемпионом СССР М.Ботвинником.

Летом 1935 года А.Ф.Ильин-Женевский возвращается в СССР. Работает в должности заместителя дипломатического агента агентства НКВД в ленингра-

де, затем в качестве инспектора библиотечного сектора, уполномоченного отдела иностранной цензуры, начальника сектора художественной литературы и искусств Леноблгорлита.

В июне 1941 года Ильин-Женевский принимал участие в полуфинале XIII чемпионата СССР в Ростове-на-Дону, после пяти партий у него было три очка. В связи с началом Великой Отечественной войны турнир был прекращен, а Ильин-Женевский спешно возвратился в Ленинград.

1 июля он обращается в призывную комиссию Куйбышевского районного комитета ВКП(б) с просьбой взять его в армию добровольцем. Но по причине возраста (47 лет) и как военнотружущего запаса высшего комполитсостава, которого в то время еще не призывали, ему отказали в призыве.

В июле А.Ф.Ильин-Женевский работал на возведении оборонных сооружений под Ленинградом. Трудиться приходилось в тяжелых условиях, днем и ночью, совершая многокилометровые пешие переходы, часто при налетах вражеских самолетов и бомбардировках.

В первых числах сентября А.Ф.Ильин-Женевский вместе с женой эвакуируется водным путем из Ленинграда. 3 сентября при бомбежке фашистскими самолетами советских судов у пирса города Новой Ладоги А.Ф.Ильин-Женевский был смертельно ранен и не приходя в сознание скончался. Смерть от немецкого оружия, бывшая с ним, боевым офицером, так близко к годы первой мировой, настигла его в годы второй мировой войны...

Необходимо отметить, что долгие годы в энциклопедических трудах и в популярной литературе публиковалась версия о смерти А.Ф.Ильина-Женевского во время блокады в Ленинграде, в устной форме существовали легенды о расстреле в годы сталинского приговора как брата Федора Раскольников. Но подлинные документы — извещение о смерти Ново-Ладожского городского ЗАГСа, письменные свидетельства очевидцев — полностью опровергают легенды и подтверждают, что А.Ф.Ильин-Женевский погиб и вместе с женой захоронен в Новой Ладоге на братском мемориальном кладбище, где в 1978 году был установлен скромный обелиск.

Новоладожцы бережно чтут память об Александре Федоровиче и Таиси Александровне Ильиных-Женевских. В Новоладожском историко-краеведческом музее собраны материалы об их жизни и деятельности, представлены фотографии. Шахматным клубом «Ладога» с 1988 года ежегодно проводятся мемориалы А.Ф.Ильина-Женевского.

Возвращаясь к теме последних лет жизни Ильина-Женевского, необходимо затронуть следующий вопрос: «Почему А.Ф.Ильин-Женевский не подвергся репрессиям как брат Ф.Ф.Раскольникова?» При изучении источников 30-х годов, в

беседах с людьми, лично знавшими Ильина-Женевского, установить причины не удалось. Бесспорным является то, что Сталин и А.Ф.Ильин-Женевский хорошо узнали друг друга еще в 1917 году. В июле 1917-го Сталин по направлению ЦК партии прибыл в Петропавловскую крепость с целью убедить гарнизон крепости и матросов во избежание кровопролития отказаться от вооруженных действий. Одним из руководителей оборонной крепости был А.Ф.Ильин-Женевский, и в первую очередь с ним были проведены Сталиным переговоры о сдаче.

А.Ф.Ильин-Женевский был для своего времени достаточно известным человеком — историком, литератором, автором многих книг и сборников, шахматистом, дипломатом, его имя очень часто появлялось на страницах советских и зарубежных газет. И вот наступил 1938 год — 6 апреля в «Правде» опубликовано сообщение о снятии Ф.Ф.Раскольникова с поста полпреда СССР в Болгарии. 17 июля 1939 года Верховный Суд СССР объявил Ф.Ф.Раскольникова вне закона, 22 июля Раскольников пишет заявление «Как меня сделал врагом народа» и отправляет его во Французское агентство «ГАВАС» и Эстонское телеграфное агентство. 12 сентября Раскольников умирает, в обстоятельствах его смерти много неясного, и исследования до сих пор не имеют четкого ответа, что это: убийство, организованное спецслужбами, или скоростная смерть; 1 октября парижский журнал «Новая Россия» публикует «Открытое письмо к Сталину».

Братья всю жизнь были очень близки, и в последние годы жизни Ф.Ф.Раскольников, приезжая из-за границы, всегда бывал в Ленинграде у младшего брата. Конечно же, все, что происходило в стране, обсуждалось между ними, и младший брат был в курсе всех мыслей и дел старшего. Их судьбы схожи: оба с юношеского возраста принимают участие в освободительном движении, в годы первой мировой войны надеваются на военную форму, в 1917 году работают в Советах, редактируют газеты. В 20-е годы братья заняты дипломатической, советской, партийной работой и историко-литературной деятельностью. Ф.Ф.Раскольников, как и А.Ф.Ильин-Женевский, публикует ряд исторических и литературных произведений. К концу 20-х годов оба занимают достаточно высокие должности: А.Ф.Ильин-Женевский — зам.директора Ленинградского института истории ВКП(б), Ф.Ф.Раскольников — начальника Главискусства, члена коллегии Наркомпроса. Но братья фактически отказываются от блестящей карьеры — ведь с учетом их революционных заслуг они могли занять высокие посты в государстве — и уходят в тень, на дипломатическую работу. Не вызывает сомнения, что такой уход, в первую очередь, был вызван их нежеланием принимать участие в вандализме, творимом Сталиным и его окружением.

Конечно же, все происходящее в стране было личной трагедией для них — людей, по зову сердца пришедших в освободительное движение и в революцию и свято веривших в идеалы социализма и коммунизма, видевших становление сталинизма и понимающих, что повернуть назад уже невозможно.

Единственное, что успел сделать Ф.Ф.Раскольников — это написать статьи, широко известные в наше время, в которых он дал оценку происходящего в СССР и изложил свою позицию по отношению к творившемуся беззаконию. В возрасте 47 лет его не стало, по какому-то роковому совпадению младший брат погибает тоже в 47 лет.

Но репрессиям А.Ф.Ильин-Женевский не подвергался, его даже не заставляли отречься от старшего брата, хотя он, наверное, этого бы и не сделал. Была жива и здорова мать — Антонина Васильевна Ильина, которая все годы после революции жила на старой квартире на Симбирской улице и погибла в блокадном Ленинграде.

По версии двоюродного племянника А.Ф.Ильина-Женевского — Александра Сергеевича Храповицкого — А.В.Ильина обратилась к В.М.Молотову с просьбой не трогать младшего сына с учетом прошлых революционных заслуг, что и было сделано по его устному распоряжению. Других предположений и объяснений вывить не удалось.

В ходе работы над диссертацией о жизни и деятельности А.Ф.Ильина-Женевского выявлен интересный факт наличия в его домашнем архиве машинописного экземпляра «Открытого письма к Сталину». Каким путем он попал к Александру Федоровичу, не удалось установить, но то, что, храня данную перепечатку у себя дома, А.Ф.Ильин-Женевский подвергался опасности, не вызывает сомнения.

Подводя итоги жизненного пути Ильина-Женевского, в первую очередь, необходимо отдать должное вкладу, который он внес в развитие культуры страны. Изучив документы и воспоминания об Александре Федоровиче Ильине-Женевском, можно сделать выводы о том, что он был искренним революционером, человеком, имевшим четкие политические убеждения и жизненные принципы. Был трудоспособным человеком, отдавшим все свои силы общественной и служебной деятельности. Обладал большой силой воли, мужественно преодолевал последствия контузии, приступы боли. Война была с ним всю жизнь, напоминала о себе, но для него на первом месте всегда была работа, а затем — личное физическое самочувствие.

А.Ф.Ильин-Женевскому была присуща разносторонность жизненных интересов и видов деятельности, он был образованным, эрудированным и по-настоящему интеллигентным человеком, обладавшим превосходными качествами — порядочностью, скромностью, вниманием и уважением к людям.

С.Морозов.

ДЕСЯТЬ С ПОЛОВИНОЙ НЕДЕЛЬ. ВОЙНА И СМЕРТЬ А.Ф.ИЛЬИНА-ЖЕНЕВСКОГО.

От редакции. Ровно столько, 73 дня или десять с половиной недель, со дня начала Великой Отечественной войны до гибели прожил выдающийся шахматист и общественный деятель, двукратный чемпион родного города Александр Федорович Ильин-Женевский. На четыре дня дольше продлилась жизнь его супруги Таисии Александровны, урожденной Вязовской, которая была очень одаренным человеком: танцевала в балете Ленинградского мюзик-холла, пела, рисовала, играла в шахматы в финале женского первенства города 1940 г.

Таисия играет с Р.Рети, за неё "болеют" сестра Александра и Г.Левенфиш.

В этом году 16 (28) ноября (а не 16 апреля, как указано в «Энциклопедическом словаре» 1990 г.) исполнится 110 лет со дня рождения А.Ф.Ильина-Женевского. Редакция готовит подборку материалов к юбилею известного революционера и дипломата, писателя и журналиста, брата Ф.Ф.Раскольникова – человека удивительной судьбы, достойной описания скорее в романе, чем в документальной прозе.

Удивительно, но до сих пор в шахматной исторической литературе не появилось ни одной серьезной работы, посвященной человеку, благодаря усилиям которого шахматы стали в нашей стране почитаемыми и доступными. Поэтому мы пригласили к сотрудничеству кандидата исторических наук доцента С.А.Морозова, защитившего в 1992 году диссертацию на тему «А.Ф.Ильин-Женевский – общественно-политическая и научно-просветительская деятельность 1910–1941».

В год шестидесятилетия снятия блокады мы сочли уместным начать публикации с трагических событий военных лет с начала войны до гибели шахматной четы. Это тем более важно, что о времени и причинах смерти Ильина-Женевского ходит немало легенд. В журнале «Наука и жизнь» № 11 за 1987 г. шахматный историк И.Романов в материале «По страницам истории шахмат», ссылаясь на мемуары В.Ганкевича, писал о том, что Александр Федорович был убит в Старой Ладоге. В том же году «Комсомольская правда» в очерке В.Зайцева и О.Кучкиной «Братья» сообщила, что Ильин-Женевский погиб зимой 1941 года в блокадном Ленинграде. Еще дальше пошел сын одноклассника героя нашей публикации полковник медицинской службы А.Якубенко, сообщивший в статье «О людях великой революции», опубликованной в многотиражке ВМА, что, покидая Ленинград в декабре 1941 года по Дороге жизни, Ильин-Женевский «бросился на помощь девочке, упавшей в полынью. Ее он спас, но сам, ослабевший и истощенный, не смог выбраться из ледяной воды...» Существует также и версия о том, что Ильина-Женевского с супругой постигло несчастье тогда, когда они, будучи арестованными, плыли с другими арестантами на барже. Исследование С.А.Морозова дает точные ответы на все вопросы.

Кроме того, наши читатели окажутся первыми, кто познакомится с записями в дневнике, которые вели А.Ф. и Т.А. Ильины-Женевские с 30.06 по 9.08.1941 г. Дневник сохранен семьей Краскиных, проживавших на ул. Толмачева, д. 18 кв. 7 в одной коммунальной квартире с Ильиными-Женевскими с середины 30-х годов по 1941 год.

К счастью, в дом не попали бомбы. Поэтому вся обстановка комнат, в которых проживали Ильины-Женевские, не была потревожена в годы войны, включая блокаду. Но в 1946 году комнаты подлежали заселению, поэтому библиотека, обстановка и вещи были проданы.

Вместе с библиотекой работники магазина «Книжная лавка писателей» забрали все папки с материалами и документами. Далее судьба архива А.Ф.Ильина-Женевского неизвестна.

«Ростов-на-Дону. 12 часов дня 22 июня 1941 года. Я – капитан ленинградской команды, участницы полуфинального шахматного первенства страны. Идет один из последних туров. За досками А.Ильин-Женевский, А.Толуш, И.Рабинович и многие другие мастера.

Вдруг в турнирный зал вбегает взволнованная жена Ильина-Женевского и шепотом сообщает мне: «Ужасная весть. сейчас по радио известили, что немцы напали на Советский Союз...» Я попросил ее успокоиться и пока ничего не сообщать играющим.

Но через 10-15 минут все участники уже были в курсе событий. Тур, однако, закончился нормально. Помнится, И.Рабинович довел до победы свою партию и, подойдя ко мне, деловито осведомился: «С кем воюем?..»

Позвонили по телефону в Москву и получили распоряжение: турнир продолжать до особых указаний. Но уже на следующий день это оказалось невозможным: часть шахматистов должна была немедленно явиться на призывные пункты. Турнир срывался.

Припоминаю, как Ильин-Женевский обратился ко мне: «Посоветуйте, как мне быть – у меня путевки на юг. Ехать туда или возвращаться в Ленинград?» «В таких случаях не рискую давать советы, – ответил я. – Я лично бегу без оглядки домой». «Ну, и я с вами», – решил Женевский.

Вернуться домой оказалось не просто. Из Крыма и Кавказа ринулись тысячи отдыхающих, и получить места в поездах было невозможно. С огромным трудом удалось через Москву добраться в Ленинград.

Блокады еще не было, но немцы уже бомбили город и появились трудности с питанием»...

А.Модель. «Годы блокады».

(рукопись хранится в архиве А.Я.Моделя)

Началась Великая Отечественная война. Полуфинал страны по шахматам был прекращен, А.Ф. Ильин-Женевский спешно возвратился в Ленинград и приступил к исполнению обязанностей Уполномоченного библиотечного сектора Леноблгортита, одновременно выполняя в нем обязанности Уполномоченного политредактора. До войны он осуществлял те же функции, но теперь количество курируемых им магазинов возросло, он работает в резервном фонде Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина и в магазине «Книжная лавка писателей».

Как и все ленинградцы, с первых дней войны Александр Федорович с супругой постоянно выполняли трудовые повинности. Об этом и о многих тяготах того времени читатели узнают из дневника, который вели Ильины-Женевские. Здесь же приведу свидетельство А.К.Голубевой, которая в послевоенные годы почти тридцать лет работала заместителем главного контролера-ревизора КРУ МФ РСФСР по Ленинграду:

«Когда началась Великая Отечественная война, меня в числе небольшой группы студентов Финансово-экономического института направили из райкома комсомола на работу в Леноблгортит, на замену работников, ушедших на фронт. Но уже через неделю вместе с работниками Леноблгортита нас послали на строительство оборонительных сооружений. Вначале мы копали окопы в районе Средней Рогатки, а затем у станций Батецкая и Передольская Витебской железной дороги. Руководителем группы был сотрудник Леноблгортита Александр Федорович Ильин-Женевский. Скромный человек с тихим спокойным голосом, спокойный и выдержанный при любых обстоятельствах, даже при налетах самолетов, таким он запомнился мне.

Александр Федорович даже на работы брал с собой портфель, очень красивый, с металлической пластинкой, на которой была выгравирована надпись: «Товарищу по изгнанию А.Ф.Ильину от В.И.Ульянова /Ленина/». Мы часто в часы короткого отдыха рассматривали этот портфель, Александр Федорович рассказывал о своей жизни, о В.И.Ленине, о Женеве.

По молодости мы еще не понимали всей опасности войны и иногда высказывались, что делаем ненужную работу. Тогда от Александра Федоровича я впервые услышала, что скорей всего вот именно здесь, у стен Ленинграда, придется отстаивать наш город, но, указывая на предстоящие трудности, он верил в будущую победу.

Когда мы копали окопы в районе станций Батецкая и Передольская, нам с перебоями доставляли продукты, приходилось спать под открытым небом на земле. Александр Федорович Ильин-Женевский вместе с нами делил все трудности. Однажды нам впервые привезли чечевицу, раньше я ее никогда не видела и тем более не ела. Чечевичная похлебка, сваренная на костре, без приправ, показалась мне очень невкусной, и больше половины своей порции я вылила под куст. Меня за это очень отчитал Александр Федорович и предупредил, что во время войны может быть придется есть и древесную кору, а вы выбрасываете полноценные продукты. Позднее я не раз вспоминала эти слова Александра Федоровича в блокадном Ленинграде и ту чечевичную похлебку.

Один раз нам пришлось за ночь сделать 35 километров перехода по лесным тропинкам, и Александр Федорович следил, чтобы никто не отстал, подбадривал уставших...»

Т.А. и А.Ф. Ильины-Женевские в конце 30-х годов.

В Леноблгортите А.Ф.Ильин-Женевский проработал до 31 августа, с 1 сентября он был освобожден от работы в связи с эвакуацией.

Вместе с женой Таисией Александровной Ильин-Женевский эвакуируется из Ленинграда водным путем.

По свидетельствам очевидцев – жителей города Новая Ладога, собранных известным краеведом Ю.А.Сяковым и описанных в его очерке «Смерть комиссара» («Волховские огни», 11 марта 1988 г.), Ильины-Женевские эвакуировались на пароходе «Симферополь», который 1 и 2 сентября прошел Шлиссельбург и каналом взял курс на Новую Ладогу. 3 сентября, когда пароход с баржей выходил из канала на фарватер реки Волхов, в небе появились фашистские самолеты. Капитан парохода причалил к пирсу, началась бомбардировка – многие были убиты и ранены, в числе раненых оказался и А.Ф.Ильин-Женевский.

Далее очевидцы свидетельствуют, что Ильин-Женевский умер от ранения, не приходя в сознание. По характеру полученных ранений есть расхождения – одни вспоминают, что Александра Федоровича ранило в бедро, а затем пришлось ампутировать ногу. Бывший в то время работником больницы водников В.В.Никифоров сообщил, что Ильину-Женевскому оторвало обе ноги.

В архиве семьи Вязовских находится открытка, датированная 8 сентября 1941 года и адресованная во Всесоюзный комитет по физической культуре и спорту при СНК СССР известным шахматистом и тренером Г.А.Гольдбергом, служившим в то время в Новой Ладоге в должности интенданта 3 ранга. В Комитете сочли необходимым переслать открытку родственникам жены шахматиста. В ней Григорий Абрамович писал: «Сообщаю о печальной участи мастера СССР по шахматам А.Ф.Ильина-Женевского. Проезжая из Ленинграда в Свирицу на пароходе «Симферополь», в Новой Ладоге Ильин-Женевский вместе с женой попал под бомбежку фашистских самолетов. Одна из бомб упала на стоящую рядом с пароходом баржу... Жена с помощью посторонних доставила его в больницу водников. Скончался Александр Федорович сразу же, как только был доставлен. Жена А. Фед. при бомбежке повреждений не имела».

В извещении Ново-Ладожского ЗАГСа № 735 от 20.10.1941, адресованного М.А.Вязовской – старшей сестре Т.А.Ильиной-Женевской, сообщается: «Ваш зять Ильин-Женевский погиб 3 сентября в гор. Новая Ладога Волховского района во время бомбардировки вражеских самолетов...»

В книге А.В.Смолянинова «Врач на войне» на стр. 83 приводятся следующие данные:

«К врачам морской авиации А.В.Панову и П.П.Минееву, работавшим в лазарете вблизи озера, был доставлен известный в свое время дипломат и шахматист А.Ф.Ильин-Женевский. Пароход, на котором он вместе с женой плыл через озеро, подвергся нападению фашистской авиации. Осколком бомбы Ильину-Женевскому оторвало ногу.

Панов и Минеев сделали все что могли, чтобы спасти ему жизнь. Но преодолеть тяжелый шок и большую кровопотерю не удалось, и раненый умер».

Полковник медицинской службы А.А.Лопатенок, занимавшийся шахматной журналистикой, связывался с А.В.Пановым, и тот рассказал ему романтическую историю о том, что, умирая, Ильин-Женевский «руководил оказанием медицинской помощи другим».

В свидетельствах указано, что всех погибших при авиационном налете, в том числе и А.Ф.Ильина-Женевского, похоронили на военном кладбище в братской могиле. Об этом же сообщил председатель горисполкома Новой Ладоги в 1941 году А.М.Фадеев.

Таким образом, по собранным данным можно констатировать, что А.Ф.Ильин-Женевский скончался 3 сентября в городе Новая Ладога от ранения, полученного при бомбежке фашистских самолетов.

Об этом же свидетельствует следующий документ:

«Запись акта о смерти № 162

1. Фамилия: Ильин-Женевский

2. *Имя: Александр*
 3. *Отчество: Федорович*
 4. *Пол: мужской*
 5. *Национальность: русский*
 6. *Время смерти: 3 сентября .*
 7. *Место смерти: город Новая Ладога*
 8. *Причина смерти: убит авиабомбой. Исполнилось 47 лет...*
 12. *Документы, подтверждающие факт смерти: акт водной больницы*
- Подпись заявителя: Ильина-Женевская».*

4 сентября А.Ф.Ильин-Женевский был похоронен в братской могиле.

Далее произошло еще одно несчастье, которое подробно описано в статье «Смерть комиссара».

В ней, в частности, приводится цитата из письменного свидетельства З.П.Бушуевой, работавшей в музее Новой Ладоги:

«Мертвых поместили в морг, а жена Ильина-Женевского осталась в коридоре больницы. На ней было светлое пальто, все окровавленное. Пойти ей было некуда. Тогда А.В.Буянова – моя мать – попросила больничного шофера Николая Энцена отвезти ее к нам домой (ул. Горького, дом № 26). Вечером дома застирала ей пальто... Она почти не разговаривала, кроме как сокрушалась «Как теперь жить?» Больше лежала на кровати».

О последнем дне жизни Т.А. Ильиной-Женевской З.П.Бушуева рассказала Ю.А.Сякову:

«Когда я уходила, Таисия Александровна (передав письмо в горисполком – С.М.) попросила закрыть дом. Она оставалась одна, так как моя мать Александра Васильевна в то время находилась в больнице, где она работала. Я закрыла дверь и пошла в горисполком. Отдав письмо, неторопливо возвращалась назад. У самого дома меня нагнали председатель А.М.Фадеев, Н.В.Барабанова и милиционер. Когда я открыла дверь, в доме Ильиной-Женевской не оказалось. Открыли чердак, а она там висит.

В тяжелом душевном состоянии Т.А.Ильина-Женевская покончила с собой. В своем письме в горисполком она сообщила, что собирается это сделать, и просила никого не винить в ее смерти. Ее похоронили рядом с мужем. Как и Александра Федоровича, на простой крестьянской телеге ее тело отвезли на кладбище».

Т.Вязовская в конце 20-х годов.

Готовя эту статью к печати, мы связались с Зоей Петровной, и она подтвердила достоверность фактов, записанных с ее слов, а также добавила, что несчастье произошло в первое воскресенье сентября в середине дня — это она помнит абсолютно точно. Проверка по календарю определила дату — 7 сентября.

Обобщив свидетельства очевидцев, можно сделать вывод, что на крайний шаг Т.А.Ильину-Женевскую (1909-1941) толкнула смерть горячо любимого мужа, с которым ее связывали настоящие и искренние чувства. Но были, к сожалению, и другие обстоятельства, усугубившие горе женщины, которые можно охарактеризовать как преступные действия и бездушные окружавших ее людей в момент отчаяния.

Оказалось, что санитары обокрали умирающего А.Ф.Ильина-Женевского, похитили его именную револьвер, золотые часы, бумажник, а документы разбросали на улице. Местные власти не откликнулись на просьбу Таисии Александровны дать ей разрешение на выезд в Москву или Кисловодск к матери и сестрам. Справедливо и обвинение сестры Ильиной-Женевской А.А.Вязовской в адрес Г.А.Гольдберга, который бросил Таисию Александровну в тяжелейшем душевном состоянии. Он видел, что она находится на грани срыва, рассказывал сестре, что она просила у него пистолет, чтобы застрелиться. Важно отметить, что Г.Гольдберг встречался с Т.А.Ильиной-Женевской в горисполкоме на следующий день после похорон Александра Федоровича 5 сентября, а покончила с собой вдова Ильина-Женевского спустя два дня — 7 сентября (или через 4 дня, так как в свидетельстве о смерти # 322, выданном Ново-Ладожским ЗАГСом 20.09.1941 г., стоит другая дата — 9 сентября). Поэтому приведенная в статье «Смерть комиссара» выдержка из письма Гольдберга, написанного в декабре 1971 г., по поводу того, что он пытался вывести Т.А.Ильину-Женевскую из тяжелейшего состояния, но «вынужден был через несколько часов вернуться к себе в гарнизон, чтобы заступить на дежурство... в ту же ночь Таисия Александровна покончила с собой», — не соответствует действительности.

Есть еще один штрих, который необходимо предать гласности. В уже цитировавшемся документе Ново-Ладожского ЗАГСа от 20.10.1941 г., отправленном М.А.Вязовской, старшей сестре Таисии Александровны, есть такие слова (стилистика сохранена): «Ильина-Женевская (в документе написано «дочь», а сверху «жена» — С.М.) от расстройства и скорби покончила жизнь 9.IX самоповешением, похоронена там же (братское кладбище в Новой Ладоге — С.М.). Вещи, которые находились при ней по ее завещательному письму переданы знакомому Гольдберг Григорий Абрамович: адрес его в/часть 706. Гольдберг Г.А. В письме написано для передачи Вам золотые часы, золотое кольцо и денег 250 р., а поэтому по указанному адресу обращайтесь за высылкой вещей. Высылаем свидетельство о смерти. Какие интересуют вопросы можете обращаться по адресу: гор. Новая Ладога Ленинградская обл. Волховский р-н Новоладожский гор ЗАГС.

Зав. ЗАГСа Иванова».

Тут уместно привести несколько слов, которые пишет Г.А.Гольдберг в открытке от 8.09.1941 в спорткомитет:

«Так как пароход «Симферополь» ушел из Н.Ладоги в Свирицу со всеми вещами Ильиных-Женевских, я договорился с Т.А., что при возвращении в Н.Ладогу парохода она выедет в Москву. Одновременно с этим я принял все меры к розыску вещей. Однако 7-го сентября около 2-х часов дня Таисия Ал. покончила жизнь самоубийством... В оставленном на мое имя письме Таисия Ал. просила не сообщать родным и близким ее и мужа о постигшей их трагедии. Прошу это учесть. Пароход прибыл в Н.Ладогу, и все их вещи пропали, так что я не мог выполнить ряд ее просьб».

Маловероятно, что Таисия Александровна в оставленном письме могла одновременно просить Гольдберга передать вещи родным и не сообщать им о постигшем несчастье.

После войны сестра Т.А.Ильиной-Женевской Александра Александровна сама связалась с Г.А.Гольдбергом. Тот объяснил, что вещи и деньги не сохранились. Дальнейших встреч будущий заслуженный тренер СССР и заведующий кафедрой шахмат ГЦОЛИФКа избежал.

В 1971 году, когда делались попытки установить точное место захоронения Ильина-Женевского, Г.А.Гольдберг был приглашен приехать в Новую Ладогу и точно указать место захоронения Ильиных-Женевских — времени не нашлось.

На мемориальном братском кладбище в городе Новая Ладога в 1978 году был установлен обелиск из гранита. На нем начертано: «Герой Великого Октября Ильин-Женевский Александр Федорович, известный дипломат и шахматист. Ильина-Женевская (Вязовская) Таисия Александровна, жена и близкий друг», даты жизни.

Героическое и трагическое всю жизнь неразделимо сопутствовало Александру Федоровичу. Достаточно напомнить, что его родным братом был открыто выступавший против Сталина Ф.Ф.Раскольников, что Таисия Александровна лишь завершила грустный ряд добровольно ушедших из жизни ближайших родственников Ильина-Женевского – его деда, отца, дяди и первой жены. Сохранились автобиографии, написанные братьями, записки их матери, многие свидетельства. Наконец, всех не может не интересовать вопрос: почему брат личного врага Сталина не был подвергнут репрессиям?

Многие эпизоды жизни и деятельности А.Ф.Ильина-Женевского мы постараемся описать в последующих публикациях.

В заключение хочется выразить признательность племяннице Т.А.Ильиной-Женевской Светлане Александровне Вязовской и кандидату исторических наук Юрию Александровичу Сякову за помощь в подготовке материалов к публикации.

Дневник А.Ф. и Т.А. Ильиных-Женевских.

Записи велись ежедневно как Александром Федоровичем, так и Таисией Александровной, и обрываются на последней странице неоконченной фразой.

Публикация осуществляется по машинописной копии, хранящейся в архиве семьи Вязовских. Выбор записей для публикации основан на том, чтобы у читателей создалось наиболее полное представление о первых днях войны глазами семьи ленинградцев, разделивших участь тысяч людей.

Т.А. и А.Ф. Ильины-Женевские, 1941 год.

30 июня 1941 г. (понедельник)

Т.к. радио не было нами выключено всю ночь, то в 6 ч. мы были разбужены сообщением сводки с театра военных действий. Хотя мы и имеем отдельные успехи, но на главнейших направлениях наши войска пока что продолжают отступать. К 8 ч. 30 м. Шура пошел на службу. Отпуска отменены и потому Шура пришлось сразу же приступить к исполнению своих служебных обязанностей. Шура дано теперь 19(!) магазинов, больше чем когда-либо. До конца рабочего дня (5 ч.) Шура все же не успел обойти 2-х магазинов. После 5-ти часов предполагалось отбывание трудовой повинности в течение 3-х часов, но, когда Шура явился к управдому Тотешу, тот сказал, что еще списки не готовы и потому сегодня работы не будет. Тая ездила в г. Пушкин узнавать о судьбе сына Дубровского и узнав, что он отправлен к родителям, вернулась домой. Вечером к нам пришла мама, которая осталась у нас ночевать. Легли опять рано в 11 ч. вечера, т.к. огня зажигать нельзя, а завтра надо рано вставать.

1 июля (вторник)

Утром, придя на работу, Шура узнал, что вчера днем было экстренное партийное собрание, на котором было сообщено о призыве районного комитета записываться в армию добровольцами. Почти

все работники Горлита откликнулись на этот призыв и записались. Шура тоже изъявил свое согласие и пошел на заседание комиссии райкома, которая находится в Горлите. Здесь, однако, Шуру еще не записали, т.к. и возраст его (47 лет) немного великоват и, кроме того, он является высшим комполитсоставом, который, как правило, пока еще не берут. Обещали выяснить и поставить Шуру в известность о результате. Днем временами шел дождь. Радио сообщает, что на важнейших направлениях наши части ведут бои с превосходящими силами противника. В 5 часов Шура опять явился в домоуправление, но узнал, что работа по трудовым обязанностям еще не начата. Спать лег Шура опять рано – в 11 ч. вечера, а у Таи сегодня ночное дежурство по дому с 12 ч. до 2 ч. Однако дежурство ее затянулось до 4 ч. утра, т.к. та женщина, которая должна была ее сменить в 2 ч., еще не вернулась с дачи и потому на дежурство не пришла.

6 июля (воскресенье)

Утром, как и все эти последние дни, в 6 часов нас разбудило радио, и мы прослушали утреннюю сводку с театра военных действий. Продвижение немцев, как будто, задерживается. Наши части оказывают упорное сопротивление. Прослушав сводку, мы опять заснули, но в 9 ч. нас разбудил телефонный звонок. Звонил из Горлита т. Сидоров и сообщил Шуре, что сегодня, оказывается, объявлен рабочий день и Шура должен идти на работу. Наскоро встали, попили чаю, и Шура отправился. Днем над Ленинградом появился немецкий аэроплан, по-видимому, разведчик. Его скоро принудили приземлиться. Обедали у мамы. Вечером читали вслух. Тая была у зубного врача и запломбировала зуб. Спать легли опять около 11 часов.

7 июля (понедельник)

В 6 ч. утра слушали утреннее сообщение с фронта. В 8 ч., когда Тая еще лежала в кровати, а Шура вставал, впервые за наше пребывание здесь раздалась воздушная тревога. Мы быстро оделись и спустились вниз по лестнице. Тая как начальник ПВХО дома пошла в домоуправление, а Шура остался внизу лестницы. Тревога продолжалась минут 20. Днем в течение рабочего дня было еще три воздушных тревоги. Но аэропланов не было видно, и никакие бомбы нигде не сбрасывались. По-видимому, вражеские самолеты были отогнаны еще за городом.

9 июля (среда)

Сегодня воздушных тревог весь день не было. По-видимому, это результат того, что вчера, согласно сообщению советского информбюро, наши авиачасти разбомбили финские аэродромы. Шура к 9 часам поехал в Свердловскую больницу к д-ру Ловцкому. Д-р Ловцкий прописал Шуре укрепляющие средства – спермин и еще какие-то пилюли. На службе сегодня Шура работал только 2 часа с 10 ч. до 12 дня, а в 12 ч. дня он должен был вместе с другими работниками Горлита поехать на трудовую повинность. Ехать пришлось далеко – за Среднюю Рогатку. Здесь до 8 ч. вечера копали противотанковые рвы. Шура порядком устал. У нас была мама, которая осталась ночевать. Еще утром Шура встретил И.Лотнова в военной форме. Все работники Истпарта пошли добровольцами, кроме больного Шидловского.

10 июля (четверг)

С утра у Шуры болели все мускулы, но он, конечно, все-таки пошел на работу и успел выполнить не только сегодняшний план, но и то, что не доделал вчера. Во время служебного времени было 3 воздушные тревоги, но для Шуры они не явились потерянным временем, т.к. он провел их в магазинах за работой. Вечером читали вслух. Спать легли в 11 часов. Днем Шура звонил в ДСО «Большевик», но компенсацию зарплаты за турнир получить не смог. Просили позвонить 20-го июля.

12 июля (суббота)

Шура, после целой ночи работы, днем прибежал домой на 2 часа. Один час поспал, пообедал, переоделся и, захватив с собой одеяло, ложку и чашку, а также кое-что из продуктов, уехал со службой куда-то на 3-4 дня работать по особому поручению. Шура чувствует себя очень уставшим.

Тая повесила шторы для затемнения на все окна. Скоро придется зажигать свет по вечерам, т.к. белые ночи идут на убыль. Стоит нестерпимая жара до 40 С на солнце. Шура с 4 ч. дня до позднего вечера провел в институте им. Герцена, откуда была отправка на трудовую повинность. Только в 12 ч. ночи погрузились на Витебском вокзале и отправились в неизвестном направлении. *[Работники Горлита были отправлены в дер. Паншино Оредежского района – Ред.]*

15 июля (вторник)

Шура с бригадой Горлита встал в 3 ч. 30 м. утра и в 4 ч. начал работу по рытью противотанкового рва. Лопаты для этого достали. Работали до 11 часов дня. В 11 ч. ели суп с бараниной, которую купили у крестьян и приготовили женщины из бригады Горлита. Все это оплатили из собственных средств, а казенного снабжения все нет и нет. С 1 ч. дня до 6 ч. 30 м. вечера опять работали по рытью противотанкового рва. Несколько раз работу прерывал сильный дождь. Из-за дождя же прекратили работу на полчаса раньше срока. Среди работающих начались заболевания дизентерией. В нашей бригаде пока все здоровы. Ночью опять страдали от холода и комаров.

17 июля (четверг)

Ночи стали еще холоднее, и потому Шура, также как и его товарищи по сараю, спали очень плохо и встали рано. К 4 часам утра пошли на работу закутанные в одеяла и дрожа от холода. Работали до 10 часов. От 10 ч. до 1 ч. дня был перерыв. Шура воспользовался этим перерывом и вместе с Масловым пошел в соседнюю деревню Филипповичи искать папирос. Ничего не нашли. В 1 ч. дня, идя на работу, случайно купили у деревенских мальчишек пачку «Норд» за 2 руб. (вместо 1 р. 30 к.). Закончили ров. Стали собирать камни для дотов. В 3 ч. работу прекратили и предложили всем собираться для отправки в Ленинград. Лопаты взять с собой. Было много радости и волнения. До 12 ч. ночи шли большой колонной до ст. Чолово (25 километров), Страшно устали и измучались. Уже в дороге начали ходить какие-то жуткие слухи, что мы поедем не в Ленинград, но неподалеку от ст. Чолово нам объявили уже официально, что мы направляемся на новую работу в прифронтовую полосу. Придя на ст. Чолово, в ожидании подачи эшелона расположились по ближайшим избам. Шура, Маслов и его группа заняли со скандалом одну избу, где уже расположилась какая-то группа. Заснули, кто как мог устроиться. Шура на полу в полусидячем положении. *[Ночью оборонных работников перевезли на ст. Передольская и разместили в дер. Заполье – Ред.]*

19 июля (суббота)

В 3 ч. утра разбудили. Пошли в дер. Летнево (за 5 километров) и заняли избы. Издалека слышна орудийная стрельба. Летают немецкие аэропланы. Один из них на наших глазах сбросил бомбу и взорвал 3 наши цистерны с бензином. Столб пламени. 3 ужасных взрыва. Наши ребята нервничают. В 8 ч. вечера пошли на работу около дер. Воиново. Противотанковый ров в торфяном болоте. Воды по колено. Сняли сапоги и работали босиком в холодной воде всю ночь. Отчаянно кусали комары.

28 июля (понедельник)

Утром на работе Шура почувствовал себя очень плохо. Он совсем обессилел и не мог ворочать лопатой. Днем он пошел к врачу. На этот раз принимал другой врач – женщина. Она внимательно выслушала Шуру и освободила его от работ, назначив его на эвакуацию. Радость Шуры была безгранична. Лопату он сдал в 4-й взвод, а ватник – на склад. Хлеб оставил Маслову, махорку отдал товарищам. Поговаривали, что эшелона на Ленинград сегодня не будет, но больных тем не менее построили и колонной повели на полустанок. До ст. Оредеж Шура и ряд других товарищей ехали в теплушке. Здесь в буфете Шура покупал на оставшиеся у него деньги. Скоро пришел пассажирский поезд, в который Шура и сел. Поезд шел очень быстро и почти не останавливался на станциях. В Ленинград прибыли без четверти 12. Не желая ночевать на вокзале, Шура решил рискнуть попытаться добраться до дому, т.к. после 12 ч. хождение по улицам не разрешается. Трамваем доехал до ул.

Некрасова, а потом пешком. Идти по Невскому было опаснее, т.к. 12 ч. уже миновало. Около цирка Шуру остановил милиционер, но узнав, что он только что с поезда, разрешил пройти. В самом [...] даже проверили личность Шуры.

Тая была одна. Она больна. Простудилась. Температура 37,5. До поздней ночи ужинали и беседовали. Шура основательно помыл в ванне руки и ноги. Наша беседа в самом начале была прервана, т.к. Таю потребовали явиться на пост. Через полчаса Тая вернулась.

29 июля (вторник)

У Таи температура поднялась до 38,2. Вызвали врача из Свердловки. Пришел доктор Ловцкий. Он осмотрел и Таю, и Шуру. Дал Шуре бюллетень до 1 августа. Шура звонил в Горлит Артамонову и сообщил о своем приезде. Вечером пришла мама, которая и осталась у нас ночевать.

30 июля (среда)

Тая весь день температурит, но все же занимается по хозяйству. Шура больше лежит и читает роман «Сын Монте-Кристо». С фронта сообщения туманные, но, кажется, продвижение немцев приостановлено, по крайней мере в том направлении, где был Шура. Ночью пришла повестка из военкомата с предложением Шуре прийти завтра к 10 ч.

31 июля (четверг)

Сидим дома. Шура отдыхает. Даже при воздушных тревогах сидим дома. Тая ходила в военкомат и сообщила о болезни Шуры. Показала бюллетень. Сказали, чтоб Шура зашел, когда поправится. Вечером приходили Михаил Афанасьевич и Евгения Давыдовна. Забежал также Равинский.

1 августа (пятница)

Сегодня последний день Шуриного бюллетеня, и он с утра поехал в Свердловскую больницу. Д-р Ловцкий, осмотрев Шуру, продлил ему бюллетень по 4 августа, прописал новое лекарство и посоветовал обратиться к проф. Боришпольскому для прохождения курса физиотерапевтического лечения. На обратном пути Шура заехал в Управление милиции и получил разрешение на хранение оружия, которое он должен был получить еще 15-го июля. К 6 ч. Шура опять поехал в Свердловскую больницу к проф. Боришпольскому. Профессор осмотрел Шуру и прописал ему Соллекс. Это большая лампа, которая согревает ту часть тела, на которую она направлена. Шура сегодня принял первую процедуру. На обратном пути Шура выпил кружку пива, о чем он мечтал, находясь на трудовой повинности.

8 августа (пятница)

Сегодня к 9 ч. Шура поехал в Свердловскую больницу к д-ру Ловцкому. Последний, даже не осмотрев Шуру и спросив только, как он себя чувствует, закончил ему бюллетень, так что завтра Шура должен приступить к работе. Днем Шуру вызвали в военкомат и сказали, что его хотят направить в военно-хозяйственную академию. Условились, что Шура придет в военкомат завтра к 11 ч. 00 м.

9 августа (суббота)

К 10 ч. утра Шура пошел в Горлит и сдал там свой бюллетень. Но к работе он еще не приступил, т.к. ему предстоит явка в райвоенкомат. Беседовал с нач. Горлита т. Артамоновым и врид зав. сектора контроля т. Максимовой. Явившись в условленное время в райвоенкомат, Шура вместе с другими призываемыми (всего 20 чел.) был направлен в горвоенкомат, где проторчал до 5 ч. вечера. Здесь собрались представители всех районов и из них выбирали подходящих для военно-хоз. академии.

Шура, как не хозяйственник, не подошел. Ему предложили продолжать свою работу там, где он работает сейчас, т.е. в Горлите. Вечером Шура зашел в райком и узнал, что он уже утвержден политорганизатором своего домхозяйства. Из райкома Шура зашел к управхозу Мих. Ильичу, составил вместе с ним список коммунистов и комсомольцев, проживающих в домхозяйстве, и договорился о созы...

На полуслове записи в дневнике обрываются.

Журнал "Шахматный Петербург" №1 (33) 2004

А.Ф.Ильин – Женевский (28.11.1894 – 3.09.1941)

В воскресенье, 28 ноября (16 ноября по старому стилю) исполняется 110 лет со дня рождения Александра Федоровича Ильина – Женевского, выдающегося мастера и организатора шахматного движения, революционера, дипломата, писателя, журналиста и общественного деятеля, вся жизнь которого связана с родным городом – Петербургом.

Несколько слов о шахматных выступлениях Александра Федоровича.

В 1914 году, находясь в эмиграции, он стал чемпионом Женевы и острова Капри. Выступая в одиннадцати чемпионатах Ленинграда, Ильин – Женевский дважды (1926, 1929 гг) становился чемпионом, один раз делил 1 – 4 места (1925г), еще в семи соревнованиях (1924, 1928, 1932, 1936, 1937, 1939, 1940) входил в шестерку сильнейших. Александр Федорович – участник девяти чемпионатов СССР (первых семи, а также IX и X). Лучшие результаты показаны в 1923г (7-8) и 1925г (6-8). Чемпион профсоюзов и Шахинтерна в Берлине 1926г. Участник I Московского международного турнира, в котором разделил IX-X призы и добился сенсационной победы над Х.Р.Капабланкой.

Ильин – Женевский – первый председатель ленинградской губернской шахматной секции, другими словами – первый президент городской шахматной федерации. В течение многих лет (1924 – 1937гг) входил в состав Исполбюро всесоюзной шахматно – шашечной секции. Редактор первого в советской России шахматного отдела («К новой Армии») и шахматного издания («Листок Петрогубкоммуны») в 1920-21гг. В 1920 году стал Комиссаром центрального управления Всевобуча и добился включения в его программу шахмат. Был организатором Всероссийской шахматной Олимпиады 1920г – первого чемпионата страны. Ответственный редактор журналов «Шахматный Листок», «Шахматы в СССР», вел отделы в «Правде», «Красной Газете». Автор книг: «Матч Алехин - Капабланка», Л, 1927г, «Международный шахматный турнир в Москве» (дневник соревнования), М, 1926г, «Записки советского мастера», Л, 1929г, «Международное рабочее шахматное движение и советская шахматная организация», М-Л, 1931. Опубликовал целый ряд шахматных статей, из которых выделим две: «От чего зависит шахматный успех» («ШЛ», 1929г), «Психология шахматной ошибки» («ШЛ», 1928г).

А.Ф.Ильин – Женевский пользовался огромным уважением коллег. Вот, например, что писал о нем М.М.Ботвинник в книге «Портреты»: «Он обладал ангельским характером, удивительно порядочный человек был. Не прощал только плохого отношения к шахматам...

В 1933 году Ильин – Женевский был советником полпредства СССР в Праге, естественно, общался с чехословацкими шахматистами, в том числе и с чемпионом страны. Сало Флор всегда отличался предприимчивым характером – тогда он был шахматной надеждой Запада – и, рассчитывая, по-видимому, на нетрудную победу, предлагал сыграть матч с чемпионом СССР. Женевский послал два письма: одно – Крыленко, а второе – Вайнштейну для меня. Он был в восторге от предложения Флора и верил в успех советского чемпиона».

О последних днях жизни Александра Федоровича мы рассказали в статье «Десять с половиной недель. Война и смерть А.Ф.Ильина - Женевского», опубликованной на нашем сайте. К юбилею мастера мы подготовили публикацию отрывка из автобиографии брата – Ф.Ф.Раскольников (где он подробно рассказывает о семье), автобиографию А.Ф.Ильина-Женевского, написанную в 1926 году и дополненную в 1932 году. Далее конспективно представлены жизнь и деятельность юбиляра в 1932 – 1941 годы. И, наконец, публикуется небольшая передовая статья Ильина – Женевского «За шахматы как искусство!» («Шахматный Листок» №4, 1930г), в которой, как и в автобиографии, мы не делаем никаких купюр, чтобы сохранить дух времени.

Семейный портрет: мать - А.В.Ильина, Александр, Федор и отец - Ф.А.Петров. Петербург, 1897г.

Ф.Ф.Раскольников. Автобиография 1913 года.

[Псевдонимы: Ф.И., Р.Раскольников, Р.Р. и Немо]

Я, Федор Федорович Ильин, родился в 1892 году, 28 января, в г. С.-Петербурге, на Большой Охте, на Мироновой улице. Я – внебрачный сын протодиакона Сергиевского всей артиллерии собора и дочери генерал-майора, продавщицы винной лавки, Антонины Васильевны Ильиной. Узами церковного брака мои родители не были соединены потому, что отец, как вдовый священнослужитель, не имел права венчаться вторично. Оба были люди весьма религиозные и все 19 лет совместной жизни прожили крайне дружно. Отец родился в 1846 году в селе Кейкино, Ямбургского уезда, Петербургской губернии, а мать является уроженкой

С.-Петербурга, дата ее рождения – 3 июня 1865 года. Отец скончался 12 апреля 1907 года; он покончил жизнь самоубийством, вскрыв себе бритвой сонную артерию. Причиной смерти послужила боязнь обыска и опасение судебного привлечения и широкой публичной огласки компрометирующего свойства вследствие подачи его прислугою жалобы в СПб. окружной суд об ее изнасиловании отцом. По признанию отца и лиц, его окружавших, жалоба была неосновательна. Защитником был приглашен присяжный поверенный Николай Платонович Карабчевский и его помощник – помощник присяжного поверенного Атабеков. По мнению адвокатов, исход дела был безнадежен для предъявительницы обвинения вследствие полного отсутствия улик и очевидцев-свидетелей. Но отец не дождался судебного разбирательства и на 62-м году порвал счеты с жизнью. По свидетельству всех знавших покойного, он обладал мягким характером и выдающимся голосом. Мать жива и в настоящее время; она служит продавщицей казенной винной лавки № 148, помещающейся на Выборгской стороне, в Финском переулке, в доме № 3. Оклад ее содержания – 750 рублей в год; кроме того, она пользуется казенной квартирой в 3 комнаты, имея готовое освещение и отопление.

Формально я крещен по обряду православного вероисповедания, но фактически уже около 10 лет являюсь безусловным и решительным атеистом. Разумеется, никогда не говею и никогда не бываю в церкви. Что касается истории рода, то хотя и интересуюсь генеалогией своего родословного древа, но деятельностью предков никогда не кичусь, помня золотые слова Сумарокова (или Хераскова): "Кто родом хвалится – тот хвалится чужим". Предпочитаю направлять свою личную и общественную деятельность таким образом, чтобы она сама и ее результаты, а не доблестные деяния родоначальников служили предметом счастливого самоудовлетворения и упоительной гордости. Со стороны отца предки ничем не прославились, так как свыше 200 лет священнослужительствовали в Петропавловской церкви села Кейкино, Ямбургского уезда, Петербургской губернии. Помимо отца мой дед Александр Федорович и мой дядя Николай Александрович Петровы также покончили жизнь самоубийством, как передают, из-за женщин. Предшественники отца, как рассказывают, происходят из рода дворян Тимирязевых, впоследствии получили фамилию Осторожных и лишь в сравнительно недавнее время были переименованы в Петровых, по имени одного из святых, которым посвящен Кейкинский храм. Мой род с материнской стороны, фамилию которого я ношу, более знаменит в истории России. По женской линии наш род ведет свое происхождение от князя Дмитрия Андреевича Галичского. В XV и XVI столетиях мои предки занимали придворные должности и служили стольниками, чашниками, постельничими и т.п. Мой прапрадед, Дмитрий Сергеевич Ильин, отличился в царствование Екатерины II, во время Чесменского сражения 1770 года, тем, что геройски потопил несколько турецких судов. В честь его был назван минный крейсер береговой обороны Балтийского флота "Лейтенант Ильин", который в настоящее время относится к разряду судов устаревшего типа и передан в распоряжение Морского училища дальнего плавания императора Петра I. Мой прадед, Михаил Васильевич Ильин, был подполковник морской артиллерии, оставивший после себя несколько научных специальных исследований, о которых упоминается в критико-биографическом словаре русских писателей и ученых, в энциклопедическом словаре и во многих других изданиях. Скончался М.В.Ильин в 1849 году. Мой дед, отец матери, Василий Михайлович Ильин, артиллерийский генерал-майор, был преподавателем Михайловского артиллерийского училища и умер в 1885 году. Кроме меня у моей матери есть еще один сын, Александр, родившийся 16 ноября 1894 года. Привлеченный по делу организации учащихся в средних учебных заведениях (т.н. "процесс витмеровцев"), он в 1912 году был исключен из VIII класса Введенской гимназии без права поступления. В настоящее время он является стипендиатом московского миллионера Николая Александровича Шахова, живет за границей и состоит студентом Женевского университета. <... >

"Федор Раскольников о времени и о себе. Воспоминания. Письма. Документы".
Составитель И.П.Коссаковский. Лениздат 1989 г.

Братья : гардемарин Ф.Ф.Ильин (Раскольников) и прапорщик А.Ф.Ильин-Женевский, Петербург, 1915г.

Автобиография А.Ф.Ильина-Женевского.

Написана в 1926 г. для партийного архива, дополнена в 1932 г.

Родился я в 1894 году, в городе Петербурге. Отец мой Федор Александрович Петров был протодиаконом Сергиевского всей артиллерии собора. Мать Антонина Васильевна Ильина всю жизнь работала в качестве мелкой конторской служащей, а во время моего рождения и детства служила сиделицей казенной винной лавки. В официальном браке мои родители не состояли, так как отец, как вдовец-духовный, не имел права вторично жениться. Умер отец в 1907 году, когда мне было 13 лет.

Кроме меня у моих родителей был другой сын Федор, старше меня на три года. В настоящее время он известен под фамилией Раскольников. И я, и брат очень рано, почти с детских лет, приняли участие в революционном движении. Брат уже в 1905 году, будучи в 7 классе реального училища, был одним из инициаторов ученической забастовки, едва не приведшей его к исключению из училища. Мне в 1905 году было всего 10 лет, но события того времени оказали на меня сильное влияние, предопределившее все остальное мое развитие. Уже в 1909 году, когда мне было 14 лет, я прочитываю "Антидюринга" Энгельса, а годом позже знакомлюсь с "Капиталом" Маркса, произведениями Лассалля, Лафарга и др. В особенности сильное влияние на меня произвели сочинения Карла Каутского, который легче всего поддавался для меня усвоению и определил мое мировоззрение, поставив его на определенные рельсы ортодоксального марксизма.

Выработка определенных политических взглядов сопутствовала у меня с принятием участия в самой оживленной культурно-просветительской и революционной работе. Уже с 1910 года, т.е. 15 лет от роду, я принимаю участие во многих нелегальных ученических организациях и кружках. В Введенской гимназии, где я тогда был, я являюсь членом редакции и выпускающим ученического нелегального гектографического журнала "Недотыкомка", где подписываю статьи и памфлеты подписью "Эс-дек".

В 1911 году я с тов. Пруссак (был судим в 1913 году и сослан в Сибирь на поселение, умер в 1918) избираюсь от Введенской гимназии в комитет Межученической организации, ставящей своей задачей объединение учащихся средней школы на почве культурно-просветительской, профессиональной и революционной работы. Межученическая организация объединила не только организации учащихся гор. Петербурга, но имела большие связи и с провинцией. В 1912 году я официально вступил в партию большевиков, организовав в комитете Межученической организации совместно с другим членом комитета студентом Кантором, большевиком с 1905 г., большевистскую фракцию. К этому же времени относится работа моего брата сначала в "Звезде", а затем в "Правде", где он был первым секретарем редакции. В этом году я знакомлюсь с т.т. Молотовым, Еремеевым, С.С.Даниловым и другими товарищами, фамилии многих из них уже не помню.

9 декабря 1912 года происходит так называемый провал Межученической организации, известный потом по газетным отчетам под названием "Витмеровской истории", так как арест собрания 34-х ответственных работников организации, в том числе и меня, происходил в помещении женской гимназии О.К.Витмер. Это дело вызвало широкий интерес общественных организаций и послужило даже материалом для запроса в Государственной Думе. Благодаря всему этому, а также кампании в печати, указывавшей на недопустимость репрессий по отношению к малолетним участникам Межученической нелегальной организации, я и мои товарищи были избавлены от тюрьмы и ссылки. Наибольшую строгость проявил к нам тогдашний министр народного просвещения Кассо, применивший к наиболее активным работникам новую, не употреблявшуюся ранее меру наказания, а именно, лишение прав на образование.

Таким образом, оказавшись исключенным из последнего класса гимназии и не имея возможности продолжать образование в России, я принужден был также, как и целый ряд моих сотоварищей, воспользоваться предложением известного мецената М.А.Шахова и поехать на его средства за границу для продолжения образования. В Женеве я сдаю дополнительные экзамены для поступления в университет и зачисляюсь студентом естественного факультета названного университета. Большое содействие в деле моего поступления в университет оказывают мне мои партийные товарищи, в частности, тов. Карпинский и меньшевик-партиец Караджан.

В Женеве я примыкаю к Ленинской группе и там же знакомлюсь с Владимиром Ильичом Лениным, с которым у Карпинского провожу целый день его приезда в Женеву.

Владимир Ильич потом в письме к Карпинскому звал меня гостить к нему под Краков, где он тогда жил.

Летом 1914 года возвращаюсь в Россию на летние каникулы. 5 июня проезжаю через Берлин. 14 июля была объявлена война, и думать об обратном возвращении в Швейцарию мне не пришлось. Оставшись в России, я опять вошел в партийную работу и сначала работаю на легальном партийном книжном складе "Правда", а затем по рекомендации большевиков Л.Н.Старка и моего брата и по приглашению

Комаровского (Данского) делаюсь заведующим конторой легального большевистского журнала "Вопросы страхования". В то время мне было 19 лет. В конце 1914 года, когда мне исполнилось 20 лет, был объявлен манифест о первом досрочном призыве в армию и я должен был бросить работу и поступить в войска. 9 февраля 1915 года я впервые надеваю военный мундир, в двадцатых числах того же месяца попадаю в школу прапорщиков, а 14 мая получаю чин прапорщика и назначение на фронт. Это было самое тяжелое время на фронте, когда войска наши, не имея снарядов, деморализованные отступали и сдавали город за городом. В двадцатых числах я был уже на фронте, а 30 мая мне пришлось отбивать яростные атаки немцев на Варшаву и я наконец свалился отравленный удушливыми немецкими газами, бывшими тогда еще новинкой. Однако лечился я недолго, и приблизительно через две недели получил назначение на южный фронт в 3-ю армию, которая была выбита с Карпат и в ужасном состоянии отступала по Галиции. Я нашел эту армию уже на нашей территории и вместе с ней сделал тяжелый путь по Люблинской и Холмской губерниям.

Наконец 9 июля у местечка Пяски, во время нашей контратаки, я был тяжело контужен в голову, спину и ноги. Я был вынесен с поля сражения, эвакуирован в тыл и в полубессознательном состоянии доставлен в Петроград. Здесь врачи констатировали у меня паралич обеих ног, порез обеих рук, потерю памяти Корсаковского типа, полную анастезию и понижение психической сферы. Я был положен в лазарет сахарозаводчика Кенига и пользовал меня один из лучших невропатологов ассистент профессора Бехтерева, доктор медицины В.В.Срезневский. Благодаря заботливому уходу и знанию врачей ровно через год я смог встать на ноги, хотя комиссия врачей забраковала меня для фронта и причислила к 3-й категории 2-му разряду, т.е. разрешила службу исключительно на нестроевых должностях в обстановке мирного времени. Назначение я получил как бывший студент-естественник в запасной Огнеметно-химический батальон, находившийся в Петрограде. Я воспользовался своим пребыванием в Петрограде и опять вошел в партийную работу. Вместе с братом и с Л.Н.Старком, С.Рошалем (моим товарищем еще по "витмеровскому делу") я организую ряд собраний, на которых мы ведем энергичную полемику с оборонцами. Так как я и мой брат оба военные (брат в это время учился в отдельных гардемаринских классах), то мы усиленно оберегаем свою квартиру, устраивая на ней только сугубо конспиративные заседания, и тем не менее, на трех из них были провокаторы, на двух – Черномазов, на одном меньшевик Витка, известный под кличкой "Актив". В том же году, видя, что партийное наше издательство "Прибой" бездействует, мы с моим братом, Старком и П.В.Лашеевичем и еще несколькими товарищами (кажется, в их число входил пресловутый Черномазов) организовали большевистское издательство "Волна", работавшее вплоть до революции и выпустившее целый ряд брошюр Каменева, Зиновьева, Цаперовича и других. Издательство это было утверждено ЦК и в него был делегирован представитель последнего.

В февральской революции я непосредственного участия не принимал, так как сутки с 26 на 27 февраля был дежурным офицером. Батальон же наш, как ненадежная часть, не был вызван усмирять восстание и, действительно, после переворота одним из первых санкционировал его и признал Временное правительство.

В первых числах марта я вместе с группой товарищей, делегированных Кронштадтским комитетом партии (Дмитрий Жемчужин, впоследствии расстрелянный в Гельсингфорсе белофиннами, Федор Дингельштедт, Пелихов и солдат Зинченко, всего нас было 5 человек), отправился в Гельсингфорс, где стоял почти весь наш Балтийский флот, для партийной работы.

Наша работа в Гельсингфорсе пошла успешно с первых же ее шагов. В день приезда на митинге на линейном корабле "Республика" нам удалось собрать 100

рублей в пользу газеты, которую мы хотели поставить, а буквально на третий день нашего приезда мы выпустили первый номер большевистской газеты под названием "Волна". Ввиду отсутствия в Гельсингфорсе партийной организации, мы назвали эту газету органом Свеаборгского матросского большевистского коллектива. Одновременно нами было приступлено к организации большевистских ячеек, и вскоре нам удалось создать Гельсингфорсский комитет. Вся работа наша протекала в атмосфере страшной травли и клеветы, которую сейчас же поспешили распространить по нашему адресу наши партийные и другие враги. "Волну", которую мы с Жемчужиным поставили совместно, я после его отъезда вел один, являясь одновременно и редактором, и единственным постоянным сотрудником, и выпускающим, и корректором. В середине апреля, после общегородской партийной конференции, на которой я председательствовал, когда наша организация в достаточной степени окрепла и насчитывала уже свыше тысячи человек и когда в Гельсингфорс приехали другие ответственные работники, как то т.т. Кирилл Орлов, Бон, Владимир Залезский и другие, я смог вернуться в Петроград. В Петрограде я по-прежнему формально числился офицером Запасного огнеметно-химического батальона, хотя бывал там только изредка, а все остальное время отдавал партийной, главным образом, газетной работе. Сперва я редактировал с т. Подвойским и Невским газету "Солдатская правда", затем во время отъезда брата из Кронштадта редактировал за него кронштадтскую газету "Голос правды". Во время июльских дней я принимаю активное участие в событиях. Прежде всего, я на собраниях всех комитетов Запасного огнеметно-химического батальона призываю батальон присоединиться к общему требованию Петроградского гарнизона о передаче власти в руки Советов и выступить с этим требованием на улицу. Этот мой призыв не встречает сочувствия в тогда еще оборончески настроенном батальоне. Затем, по поручению военной организации, я совместно с К.С.Еремеевым пытаюсь достать оружие для большевистски настроенных частей. 5 июля, когда уже выяснилось, что Временное правительство собирается силой подавить возникшее движение, я опять таки совместно с К.С.Еремеевым делегируюсь для переговоров с главнокомандующим войсками ПВО ген. Половцевым, который заверил нас, что никаких вооруженных действий против нас предпринимать не собирается. Тем не менее, на другой день, 6 июля, помощником ген. Половцева поручиком Кузьминым нам был представлен ультиматум разоружиться и сдаться. Когда войска Временного правительства обступают нас со всех сторон, я принимаю от тов. Подвойского командование над Петропавловской крепостью, где сгруппировались преданные нам части, главным образом кронштадтские матросы и пулеметчики 1-го пулеметного полка. После небольшой осады мы сдались. Таково было и решение ЦК, переданное нам специально делегированным к нам т. Сталиным. После кратковременного ареста я, также как и прочие мои сотоварищи, был выпущен на свободу, а дело о нас было передано особой следственной комиссией. Однако события шли с такой головокружительной быстротой, что комиссия эта так и не смогла закончить своих работ. (Более обстоятельно июльские события и мое участие в них описаны в моей книге "От Февраля к захвату власти", "Прибой", 1927).

Июльские события и последовавшие после них гонения на меня со стороны командира и офицеров сильно подняли мой авторитет в глазах моих солдат. Я немедленно избираюсь сначала заместителем председателя батальонного суда, затем членом батальонного комитета, членом многих комиссий, затем товарищем председателя батальонного комитета и наконец членом Петроградского Совета, вместо ранее выбранного туда меньшевика. Однако работа в батальоне и Петроградском Совете не отвлекает меня от продолжения прежней работы.

Раньше, чем ПК и ЦК успевают восстановить после июльского разгрома свои партийные издания, мы с Подвойским и Невским, обойдя ряд типографий, наконец с трудом устраиваемся в одной и продолжаем издание "Солдатской правды", но уже под новым названием "Рабочий и солдат". Вскоре "Рабочего и солдата"

Временное правительство закрывает, тогда мы издаем ту же газету под названием "Солдат". Таким образом я работаю вплоть до Октябрьского переворота. 21 октября я получаю от образовавшегося тогда Военно-революционного комитета назначение комиссаром своего Запасного огнеметно-химического батальона, а на следующий день, помимо этого – комиссаром Запасного Гвардии гренадерского полка. Вместе с этими двумя частями я держу в своих руках всю Петроградскую сторону, а когда разыгрывается восстание юнкеров Владимирского военного училища (Павловское военное училище предусмотрительно было целиком мною арестовано), принимаю на себя первый его удар и участвую в его подавлении. Подробнее об этом описано в той же книге моих воспоминаний. Когда Керенский под Петроградом был разбит и позиции наши укрепились, брат пригласил меня поехать вместе с отрядом на поддержку Москве, где в это время проходили бои с войсками Временного правительства. Отрядом этим, в состав которого, кроме пехоты, входили две бронеплощадки Путиловского завода, командовал полковник Потапов, комиссарами его были Еремеев К.С. и М.С.Вегер (отец), а брат командовал головным матросским отрядом. Брат уговаривал меня поехать с ним, так как в отряде не было ни одного боевого офицера-коммуниста. Недалеко от Петрограда наш отряд напал на след бронепоезда, действовавшего под Детским селом, и, следуя за ним по пятам, настиг его вблизи Бологого у ст. Кунженкино, где мы встретили неожиданную поддержку со стороны Кунженкинского гарнизона. Я принял командование матросскими цепями, которые вплотную подошли к бронепоезду. После коротких переговоров бронепоезд без боя сдался, хотя и большая часть офицеров бежали из него переодетыми. Вследствие этого инцидента, в Москву мы прибыли, правда, с богатыми трофеями, но уже поздно, так как бои закончились и власть прочно находилась в руках Московского Совета. Некоторое время наш отряд, как самый надежный, использовался т. Мурановым для массовых обысков с оцеплением целых районов, но потом ему было дано задание двигаться на юг для противодействия ген. Каледину, который тогда уже пытался задерживать поезда с продовольствием и углем, следовавшие на север. Для этой цели отряд коренным образом переформировался. От первоначального отряда остался только как ядро матросский отряд, отряд петроградской Красной гвардии, отряд броневых автомобилей, путиловские площадки и бронепоезд Керенского. Полк, во главе которого стоял полк. Потапов, вместе с ним самим вернулся в Петроград, вместо него к отряду были присоединены Московская школа прапорщиков, проявившая во время переворота лояльность к Московскому Совету, батарея артиллерии и несколько технических команд. Так как полк. Потапов уехал вместе со своим полком, т.т. Еремеев и Вегер также уехали в Петроград, наконец, даже брат был отозван для работы в морском комиссариате, то в отряде произошли новые выборы всего командного состава, причем начальником отряда был избран матрос Ховрин, известный мне еще по Гельсингфорсу, а я был избран начальником штаба отряда. Кроме того в отряд вскоре приехал в качестве комиссара отряда специально делегированный представитель Петроградского военно-революционного комитета прапорщик Павлуновский. В десятых числах ноября отряд погружается в эшелон и покидает Москву. Первая остановка была в Туле, где отряд пробыл около двух дней и одним своим присутствием помог Совету взять власть в свои руки. Следующую остановку, уже более основательную, отряду пришлось сделать около Белгорода. Дело в том, что нами были получены сведения о продвижении с фронта по направлению на Новочеркасск, где тогда собиралась вся контрреволюция, 9 ударных полков. Говорили, что вместе с ними едет в Новочеркасск и сам ген. Корнилов. Мы на всех парах направились к Белгороду, через который они должны были проследовать, и здесь устроили им засаду с намерением ни за что не пропустить их дальше. Бои с ними с переменным успехом длились несколько дней, сильную помощь оказал нам подоспевший с юга отряд черноморских матросов, во главе которого стоял матрос Федоров, а начальником штаба состоял какой-то поручик, в результате все ударные полки были разбиты наголову и рассеялись, оставив нам много пленных и перебежчиков. Я, являясь начальником штаба своего отряда, не только работал в штабе, но и принимал непосредственное участие в

боевых действиях, командуя цепями. Конечно, думать в то время о своем здоровье не приходилось, и я, естественно, недооценивал своих сил. В результате упорной работы, многих бессонных ночей, нервного напряжения и больших переходов пешком я свалился с ног. У меня случился нервный рецидив паралича левой ноги, правда, в легкой степени, так как ногой я, хотя и с трудом, владел. Комиссия врачей в Белгороде прописала мне четырехмесячный отдых, но я, убедившись, что к военным действиям я больше не пригоден, стал спешить в Петроград, где в это время началась правительственная работа нашей партии. Встретившись опять со своим сотоварищем по газетной работе т. Подвойским, который в то время был комиссаром по военным делам, я принял его приглашение быть секретарем Наркомвоена. В этой должности я проработал с декабря 1917 года по март 1918 г. В марте 1918 г., когда Наркомвоен эвакуировался в Москву, я, не желая покидать Петроград, принял предложение тов. К.С.Еремеева, бывшего тогда главнокомандующим войсками Петроградского военного округа, и сделался управляющим делами штаба округа. Расставаясь со мной, тов. Склянский возложил на меня, помимо того, обязанность быть комиссаром Главного военно-судного управления, каковым я был до самого его расформирования, имевшего место в июле 1918 г. В середине 1918 г. ПК(б) постановил привлечь наряду с целым рядом других ответственных работников к партийной работе и меня и прикомандировал меня с оставлением во всех прежних должностях к "Красной газете". Эту газету я редактировал сперва совместно с тов. Володарским, а потом, после его убийства, в составе редакционной коллегии из трех товарищей: Ливорского, Харитонова и меня. Однако работа в газете при одновременной работе в военном комиссариате, где я был очень занят, чрезвычайно изнуряла меня, и я упросил ПК(б) освободить меня от этой работы, на что ПК(б) согласился. В конце 1918 года, когда к военной работе стали привлекаться военные специалисты, я, ввиду учреждения должности начальника штаба округа, предложил должность управляющего делами военного комиссариата упразднить, учредив вместо нее должность начальника Политического управления. Мое предложение было принято, и впоследствии по этому же образцу были организованы все окружные военные комиссариаты республики. Первым начальником Политического управления Петроградского военного округа был назначен я. Однако в этой должности я пробыл недолго. Тов. Подвойский давно уже звал меня в Москву, где он в то время являлся членом Революционного военного совета республики и председателем Высшей военной инспекции. В декабре 1918 года я приехал в Москву, где был назначен председателем инспекционных комиссий Высшей военной инспекции. Почти весь 1919 год я разъезжаю по России, инспектирую и инструктирую воинские части и военные учреждения. В конце 1919 года Высшую военную инспекцию несколько урезали в правах, так что работа в ней потеряла в значительной степени свой интерес. С другой стороны, боевые действия на фронтах разгораются с небывалой доселе остротой, и начинается знаменитый поход Деникина на Москву. Все это вместе взятое заставляет меня принять предложение комиссара Полевого штаба тов. Гусева и перейти к нему на работу. Ввиду сильного продвижения Деникина, для обороны подступов к Москве организуется так называемый Московский оборонительный сектор в составе губерний Московской, Рязанской, Тульской, Калужской. Командующим войсками этого округа назначается тов. Гусев, причем предполагалось, что в случае начала боевых действий в секторе командование примет сам Главком. Начальником штаба сектора назначается ген. штаба В.Л.Барановский, а я назначаюсь комиссаром штаба. Работа была живая и интересная. Мы выбрасывали с территории сектора все не годящееся для боя и из всего способного драться, будь то отряды особого назначения, вохры и или ЧК, сколачивали боеспособные части. Кроме того, велись некоторые фортификационные работы. В ноябре 1919 года Деникин, не доходя до нашего сектора и лишь местами перейдя его границы, был от Москвы отбит, стал отступать к югу, и самая необходимость существования Московского сектора исчезла. Незадолго до его окончательного расформирования я принимаю предложение т. Подвойского и перехожу работать к нему в Главное управление Всевобуча. Во

Всеобщее я занимал последовательно целый ряд должностей, иногда по две или три сразу, и наконец сделался комиссаром управления.

В октябре 1920 года у меня случился второй рецидив паралича левой ноги, на этот раз более серьезный, чем в 1918 году. Пользовавшийся меня профессор невропатолог Рахманов, поднявший меня на ноги сравнительно скоро (через два месяца), категорически посоветовал мне переменить обстановку и если можно – уехать за границу.

Используя предоставленный мне по болезни месячный отпуск для поездки в Ригу, я получил там приглашение от моего старого друга Александри работать в качестве консула РСФСР в Либаве, на что я охотно откликнулся. ЦК согласился на это назначение, и 10 февраля 1921 г. я был уже с подобранным мною штатом в Либаве. В Либаве я проработал до 2 апреля 1922 г. Там у меня была очень интересная работа сначала по приемке, фильтру и дальнейшему направлению в Россию американских эмигрантов, а потом, помимо общей консульской работы, секретная работа по заданию некоторых учреждений.

Пробыв в Либаве 14 месяцев, я возбудил вопрос о моем переводе на другую работу и в апреле 1922 года был отозван в Москву.

Здесь Оргбюро ЦК, учитывая мой газетный опыт 1917 года, оставило меня сперва при ЦК для руководства и инструктирования провинциальной печатью, а затем командировало в Ленинград для практической работы. В Ленинграде я с мая 1923 г. редактировал "Вечернюю красную газету", а затем с августа 1924 г. по август 1930 г. был заместителем заведующего ленинградского облистпарта и членом редколлегии журналов "Красная летопись" и "Шахматный листок". В августе 1930 г. постановлением ЦК был назначен советником полпредства СССР во Францию. На этом посту пробыл до января 1932 г. С дипработы ушел по личному ходатайству. В январе 1932 г. был назначен зам. директора ленинградского Института истории ВКП(б) с исполнением обязанностей члена редколлегии журнала "Красная летопись".

Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 4000, оп. 5, д. 2375, л. 18-25.

Жизнь и деятельность А.Ф.Ильина-Женевского в 1932-1941 годы.

В январе 1932 года Александр Федорович Ильин-Женевский возвращается в родной город и на работу в Ленинградский институт истории ВКП(б). В институте он работает в качестве заместителя директора с ученой должностью работника I разряда. В это время вновь оживляется литературная и публицистическая деятельность Ильина-Женевского. В 1931 году выходит в свет его книга "Записки Витмеровца", книга "От Февраля к захвату власти. Воспоминания о 1917 годе" издается на английском и немецком языках.

С августа 1933 года вновь возвращается на дипломатическую работу, советником полпредства СССР в Чехословакии. В основном он занимался вопросами культурного и спортивного сотрудничества между СССР и Чехословакией. Александр Федорович выступил в качестве одного из организаторов важного по тем временам матча между чемпионом Чехословакии, одним из сильнейших гроссмейстеров С.Флором и чемпионом Советского Союза М.Ботвинником в 1933 году.

В Чехословакии А.Ф.Ильин-Женевский работает до лета 1935 года, а затем назначается на должность заместителя дипломатического агента в Дипломатическое агентство НКВД в Ленинграде. В июле 1938 года в связи с ликвидацией дипагентства в Ленинграде он был уволен из НКВД.

В последующем переходит на работу в Ленинградское управление по охране государственных тайн в печати, где трудится в качестве инспектора библиотечного сектора, уполномоченного отдела иностранной цензуры, начальником сектора художественной литературы и искусств. В 1939 - 1941 годах работает уполномоченным библиотечного сектора, одновременно его должность именуется в приказах как уполномоченный политредактор. На работе в Лениоблгорлите он занимает менее значимые должности в своей профессиональной деятельности; на наш взгляд это связано с объявлением вне закона Ф.Ф.Раскольникова по приговору Верховного Суда Союза ССР от 17 июля 1939 года.

Выдающийся шахматист, революционер, историк Александр Федорович Ильин-Женевский был смертельно ранен 3 сентября 1941 года при бомбежке советских судов у пирса города Новая Ладога. Вместе с супругой Таисией Александровной они похоронены на мемориальном братском кладбище в Новой Ладоге, где в 1978 году на их могиле установлен обелиск.

В городе Новая Ладога в 1986 году создан шахматный клуб, в 1991 году получивший название "Ладога". Начиная с 1988 года клубом ежегодно проводятся мемориалы А.Ф.Ильина-Женевского. 20-21 ноября состоялся мемориал, посвященный 110-летию со дня рождения замечательного мастера шахмат, в котором приняли участие шахматисты Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

* * *

А. Ильин-Женевский

ЗА ШАХМАТЫ КАК ИСКУССТВО!

(В порядке обсуждения)

Что такое шахматы — искусство, спорт или еще что-нибудь другое? Этот вопрос опять со всей остротой встает перед нами. И не думайте, что это вопрос отвлеченного, философского порядка. Нет, это вопрос актуальнейший, вопрос, тесно связанный с практикой и направлением шахматной работы сегодняшнего дня. От того или иного разрешения этого основного вопроса зависит то или иное разрешение целого ряда практических вопросов, стоящих перед нами.

Возьмем то положение, которое мы имеем сейчас. Шахматное движение в СССР является одним из составных частей физкультурного движения. Шахматные секции на местах и в центре являются секциями советов физической культуры. Следовательно, шахматы в данный момент рассматриваются нами как спорт. Вопрос как будто разрешен, но это да леко не так.

Почему шахматное движение оказалось частью физкультурного движения? Это произошло не случайно. Мы сознательно пошли на это, исходя из чисто практических соображений. Мы считали, что формы физкультурного движения и физкультурных организаций как нельзя более подходят для построения шахматной организации. В самом деле, и здесь и там мы имеем сейчас стройную организацию, начиная с низового кружка на предприятии и кончая высшими руководящими центрами; и там и здесь мы имеем командные встречи, массовые соревнования и чемпионаты, завершающиеся таким крупнейшим состязанием, как чемпионат СССР. Как будто, сходство полное, но это сходство *только внешнее*. Если шахматисты в силу объективных, исторических обстоятельств оказались

физкультур никами, то значит ли это, что мы считаем шахматы спортом — и только? Нет, не значит. Значит ли это, что принципы и методы работы физкультурных организаций могут быть безоговорочно перенесены в организации шахматные? Нет, не значит. Огромное принципиальное различие шахмат от физкультуры заключается в том, что физкультура является только *средством* — средством создания здорового человека, в то время как шахматы являются не только *средством*, но и *целью*, т. е., кроме своего полезного воспитательного значения, они имеют свою внутреннюю большую ценность как искусства, имеющего многотомную литературу и огромную, веками накопленную культуру. Между тем, физкультурные организации, впитавшие в себя шахматную организацию, претендуют и на идейное руководство ею, что вызывает ряд недоразумений, а иной раз наносят прямой ущерб развитию шахмат как искусства.

Возьмем, например, пресловутый вопрос о „чемпионстве“. В физкультуре, которая, как я: уже и говорил, не имеет самостоятельного значения, с этим явлением борются и совершенно правильно поступают. В физкультуре „чемпион“ — это человек, занятый только своим личным самоусовершенствованием и оторвавшийся от массы и массовой работы. Польза от такого человека, конечно, сводится к нулю. Что толку от того, что тот или иной физкультурник доведет себя до такой степени совершенства, что будет прыгать, выше Исаакиевского собора. Никому от этого не будет ни холодно, ни жарко. Борьба с рекордсменством в физкультуре — вполне правильное и здоровое направление. Другое дело — шахматы. Здесь, как и во всякой другой отрасли искусства или науки, вопрос должен быть поставлен прямо противоположно. И Ньютон, и Бетховен, и Морфи — все являлись „рекордсменами“ в своей области, и никто не поставит им этого в вину. Точно так же и сейчас „шахматный чемпион“, „рекордсмен“ — человек, дающий высочайшие образцы шахматного творчества, обогащает сокровищницу человеческой культуры, и его партии или композиции и теперь и через тысячу лет будут изучаться с одинаковым интересом и любовью. Поэтому шахматные организации должны содействовать углублению шахматного искусства, поощрять работу отдельных шахматистов над собой, помогать устройству встреч между высококвалифицированными шахматистами, конечно, с тем, чтобы это шло не в ущерб массовому развитию шахматного искусства и чтобы сами „чемпионы“ не отрывались от массовой и общественной работы.

Или другой вопрос — об участии советских представителей в непролетарских международных состязаниях. С точки зрения физкультуры такое участие — абсолютная ересь. И это вполне понятно. Что могут позаимствовать наши спортсмены от западно-европейских непролетарских спортсменов? Почти ничего. А между тем общение с ними наносит нам определенный политический ущерб. Мы можем с полным спокойствием поставить крест на всех спортивных западно-европейских достижениях и начать заново строить наш пролетарский спорт.

Совсем иное в области искусства и науки. Здесь мы имеем огромную, веками накопленную культуру, игнорировать которую мы, конечно, никоим образом не можем. Здесь наши достижения могут базироваться только на работах и открытиях многих поколений, живших раньше нас. Поэтому наши ученые участвуют в непролетарских международных научных конгрессах, наши работники искусств участвуют в непролетарских международных состязаниях и конкурсах (конкурс памяти Шопена в Варшаве), существует даже общество культурной связи с границей, которое содействует культурному сближению научных и артистических сил СССР и Запада. Все это должно распространяться в равной мере и на шахматы. Должно, но — увы! — на практике мы видим совсем другое.

IV Всесоюзный шахм.-шаш. съезд, по докладу Н. В. Крыленко, вынес превосходную резолюцию, в которой, между прочим, говорит: „... Съезд полагает обязательным для руководящих шахматных организаций СССР использование и в этой области

достижений буржуазной культуры, для чего считает вполне возможным и допустимым: ...б) посылку и участие отдельных мастеров пролетарских организаций в буржуазных состязаниях, ставя при этом целью не борьбу за первенство или иное место в турнире, или цели спортивного азарта, но исключительно имея в виду тренировку и повышение класса игры наших мастеров для дальнейшей передачи полученных знаний инструкторам шахматных пролетарских организаций; в) устройство международных турниров на средства пролетарских шахматных организаций с участием буржуазных шахматных мастеров, однако при условии, чтобы организация этих турниров, выбор приглашаемых мастеров, условия турнира и т. д. определялись исключительно пролетарскими организациями, независимо от каких бы то ни было указаний или переговоров с буржуазными организациями".

Эта резолюция так и осталась резолюцией, не проведенной в жизнь. Международных турниров мы не организовываем, своих мастеров на западно-европейские состязания не посылаем (если не считать неудачной попытки послать Верлинского в Италию). В чем дело? Может быть, вопрос в средствах? Нет. Для того чтобы послать нашего мастера на международный турнир, вовсе не нужно больших средств. Мало того, можно договориться с организационным комитетом турнира об оплате проезда и содержания участнику, что зачастую делается. Вопрос в другом. Ни для кого не секрет, что руководящие физкультурные организации, трактуя шахматы как одну из разновидностей спорта, считают эту резолюцию *ошибочной* и, не стесняясь, говорят о существующем в связи с этим в шахматном движении „крыленковском уклоне". Физкультурные организации не понимают значения шахмат. Они не признают в нем искусства. Они выхолащивают их внутреннее содержание и довольствуются только формой. В этом отношении они должны встретить с нашей стороны самый решительный отпор. Для нас шахматы прежде всего искусство, а то, что они одновременно могут быть использованы и как спорт, — это дело второе. Пора приобщить шахматы к лону советских искусств и возложить на них те политические права и обязанности, которые возлагаются на все советские искусства. Слепое приспособление к формам физкультурной работы искривляет нашу идеологическую линию и наносит прямой ущерб шахматам как искусству.

Ради содержания можно пожертвовать и формой. Как ни удобно нам строительство наших организаций по линии советов физической культуры, но если это налагает на нас обязательства, наносящие прямой ущерб шахматам как искусству, то невольно возникнет вопрос — не изменить ли нам нашу структуру?

Не так давно кто-то бросил мысль, что шахматам как искусству уместнее было бы строиться по линии Главискусства. Бывший председатель Главискусства Ф. Ф. Раскольников приветствовал эту мысль. Вот вопрос, над которым очень и очень следует подумать.

"Шахматный листок" № 4, 1930 г.